Разум и чувство

Автор:
Джейн Остен

Разум и чувство

Джейн Остен

Из-за наследственных козней родственников сестры Дэшвуд вынуждены покинуть поместье, где прожили много счастливых лет, и переехать в соседнее графство. Пылкая и открытая Марианна вскоре без памяти влюбляется, и все ее чувства всегда видны окружающим. Более сдержанная и осмотрительная Элинор во всем руководствуется здравым смыслом и умеет сдерживать эмоции, поэтому никто не мог догадаться о ее любовных страданиях. К личному счастью девушки идут разными долгими и трудными путями. Но у сестер много общего, и, что самое важное, они нежно любят друг друга…

Джейн Остин

Разум и чувство

Глава 1

Семья Дэшвуд принадлежала к старинному роду, владевшему в Суссексе большим поместьем, носившим название Норленд-Парк. Многие поколения этого семейства вели почтенную жизнь в большом доме, расположенном в самом сердце их обширных земель, и пользовались среди соседей доброй репутацией. Последним владельцем поместья был одинокий джентльмен, доживший до весьма преклонных лет. Долгие годы с ним делила кров сестра: его друг и советчик. Она же вела хозяйство. Но она умерла за десять лет до него, и тогда

же в доме начались серьезные перемены: стремясь восполнить свою потерю, он пригласил в дом племянника, мистера Генри Дэшвуда, единственного законного наследника поместья, с семьей. В обществе племянника, племянницы и их детей дни старого джентльмена проходили очень приятно. Его привязанность к ним росла с каждым днем. Постоянное внимание мистера и миссис Дэшвуд к его желаниям скрашивало жизнь старика. Он чувствовал себя самым счастливым человеком на земле, ведь это внимание шло от сердца, а не из корыстных побуждений. Особое же удовольствие он получал от общения с веселыми и бодрыми детишками своего племянника.

У мистера Генри Дэшвуда было четверо детей: сын от первого брака и три дочери от второго. Его сын, степенный молодой человек, был достаточно богат благодаря своей матери, которая оставила ему большое наследство, половину которого он получил в двадцать один год. А женившись, еще приумножил свое богатство. По этой причине дальнейшая судьба поместья была для него менее важна, чем для его сестер, чьи перспективы были бы далеко не радужными, не получи их отец это наследство. У их матери не было собственного состояния, а отец имел в своем распоряжении лишь семь тысяч фунтов. Оставшаяся часть наследства первой жены также принадлежала их сыну, он же пользовался лишь процентами с капитала.

Старый джентльмен умер. Завещание прочитали, и, как всегда, это принесло и радость, и разочарование. Старик не был настолько несправедлив и неблагодарен, чтобы ничего не оставить своему племяннику. Но поместье переходило к нему на таких условиях, что теряло практически всю свою ценность. Наследство мистер Генри Дэшвуд хотел получить не ради себя и своего сына, а ради жены и дочерей, но именно сыну и его сыну, четырехлетнему мальчику, досталось поместье. Племяннику дядя связал руки разнообразными ограничениями, не дававшими ему возможности обеспечить тех, кто был ему особенно дорог и кто особенно сильно нуждался в деньгах. В завещании запрещалось использовать поместье по своему усмотрению, вырубать драгоценный лес вокруг. Все было сделано так, чтобы мальчик получил поместье в целости и сохранности. Малыш сумел, время от времени приезжая с родителями в Норленд, завоевать любовь дедушки задорным детским лепетом, настойчивостью и изобретательностью. Чувства к мальчику перевесили признательность за ту нежную заботу и внимание, которые он получал от племянницы и ее дочерей. Но пожилой джентльмен не хотел обидеть их и в знак признательности оставил каждой по тысяче фунтов.

Жестоко разочаровавшись вначале, мистер Дэшвуд, по характеру весельчак и оптимист, решил, что впереди у него много времени и, живя экономно, он сможет собрать значительную сумму от доходов поместья, уже довольно больших, но способных еще возрасти. Однако поместье принадлежало ему всего год. Он ненамного пережил дядю, и десять тысяч фунтов, включая позднее наследство, перешли к его жене и дочерям. За сыном послали, как только стало понятно, что болезнь мистера Генри Дэшвуда очень серьезна. Больной поручил сыну заботу о мачехе и ее дочерях.

Мистер Джон Дэшвуд не испытывал сильных чувств по отношению к своей семье. Но просьба умирающего затронула потайные струны его души, и он пообещал сделать все возможное для их благополучия. Это успокоило умирающего джентльмена, а мистеру Джону Дэшвуду дало время поразмыслить, что он может для них сделать, не выходя за рамки разумного.

Он не был бессердечным, если, конечно, холодное сердце и расчетливый эгоизм не считать бессердечностью. Этот весьма уважаемый молодой человек при обычных обстоятельствах вел себя вполне порядочно. Если бы он женился на мягкой, добросердечной женщине, то мог бы и сам стать добрее, потому что вступил в брак очень рано, очень гордился своей женой и любил ее. Миссис Джон Дэшвуд оказалась очень похожей на своего юного супруга, только все его отрицательные черты были в ней преувеличены. Она казалась карикатурой на мужа – еще более холодная и эгоистичная.

Давая обещание отцу, он думал увеличить состояние сестер, добавив по тысяче фунтов каждой. И был уверен, что вполне может это сделать. Перспектива получения четырех тысяч фунтов в год, не говоря уж о второй половине материнского наследства, грела его душу и сердце и делала его более великодушным. Да, он подарит им три тысячи фунтов! Это очень щедрый жест с его стороны! Эти деньги обеспечат им хорошую жизнь. Три тысячи фунтов! Он вполне мог подарить им эту сумму без ущерба для себя! Он думал об этом дни напролет, ничуть не раскаиваясь в принятом решении.

Не прошло и недели с похорон отца, как миссис Джон Дэшвуд, не предупредив свою свекровь заранее, приехала в Норленд со своим ребенком и слугами. Никто не смел осуждать ее, ведь дом перешел к ее мужу по наследству. Но как должна была себя чувствовать жена покойного? Понятия миссис Дэшвуд о чести были столь высоки, а представления о благородстве столь романтичны, что любое подобное оскорбление вызывало в ней лишь отвращение. Миссис Джон Дэшвуд

никогда не пользовалась особой любовью близких своего мужа, и это если учесть, что прежде у нее не было возможности показать им, как невнимательна она может быть к людям, когда ей это было выгодно.

Миссис Дэшвуд остро ощущала эту невнимательность невестки и презирала ее за это столь сильно, что по прибытии последней собиралась покинуть дом навсегда, и только уговоры старшей дочери, которые заставили ее вспомнить, что подобная спешка была бы непростительна, и нежная любовь к своим детям убедили ее остаться. И только ради них она старалась избежать ссор с их братом.

Элинор, старшая дочь, уговоры которой оказались столь действенны, обладала живым умом и обостренным чувством справедливости, которые помогли ей в девятнадцать лет стать советчицей матери. Часто именно Элинор удерживала нетерпеливую миссис Дэшвуд от опрометчивых поступков. У нее было доброе сердце. Ею всегда владели сильные чувства, но она умела ими управлять. Это умение ее мать так и не сумела приобрести, а одна из сестер твердо решила никогда не приобретать.

По характеру Марианна была похожа на Элинор – такая же умная и впечатлительная, но гораздо более нетерпеливая: ее печали и забавы были бесконечны. Она была великодушна, любезна, загадочна и интересна в общении, она могла быть любой, но только не благоразумной. Она была удивительно похожа на свою мать.

Элинор с беспокойством понимала, что ее сестра слишком чувствительна, но миссис Дэшвуд это качество ценила и лелеяла. Теперь они с Марианной всячески поддерживали друг в друге бурную печаль. Сразившее их горе невосполнимой потери теперь добровольно воскрешалось снова и снова. Они полностью отдавали себя своей утрате, твердо отвергая даже малейшую возможность утешиться в будущем. Элинор тоже горевала всем сердцем, но она продолжала жить дальше. Она могла говорить со своим братом, смогла встретить его жену и уделить той должное внимание. Элинор очень старалась вдохнуть жизнь в свою мать, научить ее терпимости, заставить принимать жизнь такой, как она есть.

Маргарет, третья сестра, обладала отличным чувством юмора и добрым сердцем. Она уже успела впитать большую часть романтичности Марианны, хотя уступала ей в уме, и в свои тринадцать лет, разумеется, не могла считаться равной более взрослым сестрам.

Глава 2

Миссис Джон Дэшвуд официально объявила себя хозяйкой Норленда, а мачеха ее мужа и ее дочери были сведены к положению гостей. Однако обходилась она с ними с холодной вежливостью, а ее муж – со всей добротой, на которую только был способен, когда речь шла не о нем и не о его семье. Он настаивал, чтобы они считали Норленд своим домом, и миссис Дэшвуд приняла приглашение, по крайней мере до тех пор, пока она не подыщет дом для своей семьи где-то поблизости.

Пребывание там, где все напоминало ей о прежней, счастливой жизни, – вот чего требовала ее душа. В прежние безоблачные времена она была самой веселой, ее часто захватывала оптимистическая идея светлого будущего, которая сама по себе уже есть счастье. Но и горю она отдавалась с той же силой и не принимала возможность утешения, как и прежде не давала никому и ничему омрачить свою радость.

Миссис Джон Дэшвуд вовсе не одобряла того, как муж решил помочь своим сестрам. Отнять три тысячи фунтов у ее дорогого маленького сына! Это же нанесет огромный ущерб его состоянию! Она умоляла его одуматься. Как он сможет оправдаться перед собой, ограбив своего сына на такую сумму! И как могут рассчитывать сестры Дэшвуд, всего лишь его единокровные сестры, – а подобную связь она вообще родством не считала – на такую сумму? Широко известно, что между детьми от разных браков отца никакой привязанности и быть не должно. И почему тогда он должен лишать себя и своего сына Гарри средств к существованию, отдавая все свои деньги сестрам?

– Это была последняя просьба моего отца, – ответил ей муж, – помочь его жене и дочерям.

– Он не ведал, что говорит. Десять против одного, что он находился в этот момент в бреду. Ведь, будь в своем уме, он бы даже не подумал о том, чтобы забрать половину состояния у собственного сына.

– Он не называл точной суммы, моя дорогая Фанни. Он только попросил меня помочь им, сделать их жизнь комфортнее, чем смог сделать он. Я поступил бы так же, даже если бы он меня ни о чем не просил. Он же не думал, что я выброшу их на улицу без гроша в кармане. А раз он потребовал обещания, я не мог отказать. По крайней мере, так мне казалось тогда. Но как бы то ни было, если обещание дано, то оно должно быть выполнено. Что-то я должен для них сделать, когда они покинут Норленд и переселятся в новый дом.

– Так и сделай для них что-то. Но почему это «что-то» должно быть суммой в три тысячи фунтов? Ты ведь знаешь, – добавила она, – что если с деньгами расстаться, то назад они уже не вернутся. Твои сестры выйдут замуж, и деньги пропадут навсегда. А вот если бы они все-таки когда-нибудь достались нашему сыночку…

– А ведь верно, – серьезно ответил ее муж, – может настать время, когда Гарри пожалеет, что такая большая сумма была отдана другим людям. Например, если у него будет большая семья, то такая дополнительная сумма была бы весьма кстати.

– Конечно!

– Может, будет лучше для всех, если сумму уменьшить наполовину. И пятьсот фунтов заметно увеличат их состояние.

– О да, намного! Какой еще брат на земле сделает хотя бы половину для своих сестер, даже если бы они были его родные. А тут всего лишь единокровные! Нет, ты все-таки очень щедр!

– Я не хочу показаться жадным, – ответил он, – ведь в таком случае всегда лучше сделать больше, чем меньше. Во всяком случае никто не сможет обвинить меня в скупости. Они вряд ли ожидают большего.

– Ну, чего ожидают они, знать невозможно, – ответила его жена. – Но их никто и не спрашивает. Вопрос в том, что ты можешь им дать.

– Конечно, и мне кажется, я могу дать им по пятьсот фунтов каждой. Хотя и без этой суммы они получат около трех тысяч фунтов после смерти матери. Неплохое состояние для молодой девушки!

– Именно! И мне вдруг пришло в голову: они вообще ничего от тебя не хотят. Ведь между ними будет распределено десять тысяч фунтов. Если же они выйдут замуж, то, несомненно, за людей состоятельных. Если же нет, то вполне смогут жить вместе и достаточно комфортно на эту сумму.

– Это верно! По этой причине я думаю, что целесообразнее будет назначить пожизненное содержание для их матери, а не делать что-то для них. Для моих сестер это будет так же хорошо, как для нее. Сто фунтов в год всех их вполне обеспечат.

Однако его жена не торопилась одобрить этот план.

– Конечно, это лучше, чем сразу заплатить по пятьсот фунтов каждой, – сказала она, – но если миссис Дэшвуд проживет еще пятнадцать лет, то мы потеряем именно такую сумму.

– Пятнадцать лет! Моя дорогая Фанни, она вряд ли проживет и половину этого срока!

– Возможно. Но ты, вероятно, замечал, что люди, получающие пенсию, живут вечно! Между прочим, она обладает отменным здоровьем, и ей только недавно исполнилось сорок лет. Подумай, ежегодная пенсия – расход серьезный. Ее так или иначе приходится выплачивать, и изменить ничего нельзя. Уж кому, как не мне, знать, как тяжело иметь дело с пенсиями. Моей матери приходилось выплачивать целых три пенсии, которые отец по доброте душевной назначил трем престарелым слугам. Не представляешь, как ее это угнетало! Дважды в год хочешь не хочешь – изволь платить да еще позаботиться об отсылке денег. Потом нам сообщили, что кто-то из них умер. А через некоторое время оказалось, что ничего подобного. Бедная мама совсем измучилась. Она часто жаловалась, что не является хозяйкой собственных доходов, поскольку немалая их часть изымается у нее без ее согласия. Никогда бы не подумала, что отец может оказаться таким бессердечным. Если бы не пенсии, мама вполне могла бы распоряжаться всеми деньгами без ограничений. Поверь, пенсии – это отвратительно! Ни за что не соглашусь связать себя подобными обязательствами.

– Конечно, – проявил покладистость Джон Дэшвуд, – любые обязательные отчисления от доходов крайне обременительны. Собственное состояние, как

справедливо заметила твоя мама, уже вроде бы тебе и не принадлежит. Добровольно принять на себя обязанность каждое полугодие выплачивать изрядную сумму – это значит лишиться независимости. Нам это совершенно ни к чему.

– Даже не сомневайся. И заметь, что за это тебе никто даже спасибо не скажет. Они считают себя вполне обеспеченными, а то, что ты им выделишь, является будто само собой разумеющимся. Будь я на твоем месте, делала бы для них что-то только тогда, когда сама считала бы это нужным. И нет нужды связывать себя ежегодными выплатами. Мы же не можем заранее знать: а вдруг в какой-нибудь год нас очень стеснит необходимость оторвать от себя сто, а быть может, даже и пятьдесят фунтов!

– Радость моя, ты, как всегда, права! Ни к чему им твердая пенсия. Те суммы, которые я смогу выделять им время от времени, принесут им куда больше пользы, чем ежегодная пенсия. Рассчитывая на твердый доход, они просто станут жить на широкую ногу и в результате не станут богаче. Будет гораздо разумнее, если я буду иногда посылать им пятьдесят фунтов в подарок. Так они не будут чувствовать себя стесненными в средствах, а я выполню обещание, данное отцу.

– О да. Кстати, я убеждена, что твой отец вовсе не хотел, чтобы ты им дарил деньги. Я уверена, что он имел в виду совсем другую помощь. К примеру, подыскать для них небольшой уютный домик, помочь с переездом, посылать рыбу, дичь, возможно, другие продукты, в зависимости от времени года. Он наверняка не помышлял ни о чем другом. Иначе считать было бы по меньшей мере неразумно. Ты только подумай, как прекрасно устроится твоя мачеха и ее дочери на проценты с семи тысяч фунтов. К тому же у каждой девицы имеется и собственная тысяча, которая в год приносит пятьдесят фунтов дохода. Из этих сумм они будут платить матери за стол. Если подсчитать, окажется, что у них на жизнь будет пятьсот фунтов в год! Это же гигантская сумма! И ее более чем достаточно для четырех женщин. Им даже не нужно столько! На хозяйство им почти не нужны деньги. Экипажа у них не будет, лошадей тоже, да и прислугой они обойдутся минимальной. Принимать у себя гостей им незачем, выезжать в свет тоже. На что же им тратиться? Они заживут совершенно безбедно! Подумать только, пятьсот фунтов в год! Не представляю, на что они сумеют все это потратить. Теперь понимаешь, почему о каких-либо дополнительных деньгах в подарок не стоит даже речь вести? Им легче будет тебе уделить толику своих доходов.

– Ты совершенно права, – сказал мистер Дэшвуд. – Разумеется, мой отец имел в виду только то, что ты сказала. Как же я сразу не догадался? Но теперь мне все ясно. Я не нарушу своего обещания и непременно окажу им ту помощь, о которой ты говорила. Когда моя мать решит от нас уехать, я с удовольствием возьму на себя все хлопоты, связанные с переездом. Наверное, я даже подарю им какую-нибудь мебель.

– О, конечно! – воскликнула миссис Джон Дэшвуд. – Но ты учти еще одно обстоятельство. Когда твои родители переехали в Норленд, стэнхиллскую мебель продали, но столовое серебро, фарфор и белье остались и по завещанию переходят твоей мачехе. Когда они снимут дом, он будет почти полностью обставлен.

– Да, как же я забыл! Она получает весьма, надо признать, немалое наследство. Кое-что из этого серебра нам и здесь не помешало бы.

– Ну да. И чайный сервиз, между прочим, намного роскошнее нашего. В их новом жилище такое великолепие им будет совершенно ни к чему. Но что мы тут можем поделать? Твой отец больше думал о них. Не обижайся, но я все же скажу: ты вовсе не обязан испытывать к нему слишком уж большую благодарность и свято исполнять его последнюю волю. Мы же оба знаем, что имей он такую возможность, то все отдал бы им, уделив тебе разве что малую толику.

Последний довод показался мистеру Джону Дэшвуду самым весомым. Он больше не колебался и твердо знал, что предложить вдове отца и ее дочерям что-нибудь, кроме услуг, перечисленных его женой, было бы не только лишним, но даже в какой-то мере неприличным.

Глава 3

Миссис Дэшвуд оставалась в Норленде еще несколько месяцев не из-за нежелания покидать родное гнездо. Окружающая ее обстановка уже не вызывала таких сильных чувств, как раньше. Ее душа начала оживать, она стала способна на что-то большее, чем черная меланхолия и воспоминания о прошлом. Она стремилась уехать и без устали искала подходящий домик недалеко от

Норленда, потому что уехать далеко от места, где провела столько счастливых лет, она все-таки не могла. Но ей никак не попадался подходящий вариант. Понятия миссис Дэшвуд о комфорте и удобстве всегда не совпадали с благоразумной рассудительностью старшей дочери, поэтому несколько домов, понравившихся матери, были отвергнуты как слишком дорогие.

Миссис Дэшвуд знала от мужа о торжественной клятве его сына заботиться об их благополучии, именно поэтому мистер Дэшвуд умер спокойно. Она не сомневалась в искренности своего новоявленного благодетеля и с радостью думала о будущем своих дочерей. Лично ей хватило бы гораздо меньшей суммы, чем семь тысяч фунтов. Она радовалась и упрекала себя за то, что была несправедлива к нему и не верила в его способность совершать благородные поступки. Его постоянное внимание к ним убедило миссис Дэшвуд в том, что их судьба ему небезразлична. Поэтому она долгое время надеялась на его щедрость.

Что же касалось ее невестки, то чем ближе миссис Дэшвуд узнавала ее, тем сильнее презирала. За полгода совместной жизни женщины успели хорошо узнать друг друга. На людях они старались соблюдать видимость родственных отношений, однако давно бы сочли для себя совместное проживание невозможным, если бы не одно обстоятельство, которое, по мнению миссис Дэшвуд, заставляло ее дочерей оставаться в Норленде.

Этим обстоятельством была растущая привязанность между ее старшей дочерью и братом миссис Джон Дэшвуд – весьма приятным молодым человеком, который был представлен семье вскоре после того, как его сестра обосновалась в Норленде. С тех пор он проводил там большую часть своего свободного времени.

Некоторые матери могли бы поощрять близость между молодыми людьми, исходя из корыстных побуждений. Дело в том, что Эдвард Феррарс был старшим сыном богатого джентльмена, который недавно умер. Другие воздержались бы от каких бы то ни было меркантильных планов, потому что все его состояние, кроме пустячной суммы, зависело от воли матери. Миссис Дэшвуд были чужды и те и другие соображения. Ей было достаточно того, что молодой человек любезен и любит ее дочь, которая отвечает ему взаимностью. Она не понимала, что разница в финансовом положении может не дать молодой паре обрести счастье. По ее мнению, все, кто знал Элинор, не могли не оценить ее несомненных достоинств.

Эдвард Феррарс не обладал особыми внешними достоинствами. Он не был красив, а его манерам не хватало раскованности. Он всегда был неуверен в себе, но, когда ему удавалось преодолеть природную застенчивость, становилось ясно, что у него открытое и доброе сердце. Он был достаточно сообразительным и получил неплохое образование. Но он не хотел идти на поводу у матери и сестер, которые стремились увидеть его знаменитым, как… правда, как кто, они не знали. Они хотели, чтобы он стал заметной фигурой в какой-либо сфере деятельности. Его мать хотела привить ему политические амбиции, увидеть его в парламенте. Впрочем, ее бы устроило, окажись он среди каких-либо других выдающихся личностей. Миссис Джон Дэшвуд было все равно, но пока эти цели находились в процессе достижения, она бы хотела как минимум увидеть его сидящим в ландо. Но Эдвард не хотел становиться великим, равно как и ездить в ландо. Все, к чему он стремился, – это комфорт и домашний уют. К счастью, у него был младший брат, который подавал большие надежды.

Эдвард пробыл в доме несколько недель, прежде чем привлек к себе внимание миссис Дэшвуд. В то время она была так погружена в свои переживания, что обращала не слишком много внимания на окружавших ее людей. Она видела, что он спокойный и скромный молодой человек, и уже одно это ей нравилось. Видя, что она в трауре, молодой человек не приставал к ней с беседами. Она впервые серьезно задумалась о нем, когда Элинор сказала, что он совершенно не похож на свою сестру. Именно этот контраст показался ее матери наиболее привлекательным.

– Достаточно, – сказала она, – что он не похож на Фанни. Я уже почти люблю его за это.

– Мне кажется, ты его действительно полюбишь, как только узнаешь лучше, – поддакнула Элинор.

– Полюблю его! – воскликнула ее мать с улыбкой. – Поживем – увидим!

– Ты будешь ценить и уважать его.

– Никогда не знала, как можно любовь отделить от уважения.

Теперь миссис Дэшвуд стала пытаться поближе с ним познакомиться. Она проявила определенную настойчивость и вскоре победила его неизменную скрытность и осторожность. Для нее сразу стали ясны его достоинства. Она поверила в то, что это стоящий человек, что у него дружелюбный характер и горячее сердце.

А как только она уловила в его отношении к Элинор признаки зарождающейся любви, то сразу же стала рассматривать взаимную привязанность молодых людей как нечто серьезное и начала подумывать о свадьбе.

– Через несколько месяцев, моя дорогая Марианна, – сказала она, – Элинор, скорее всего, будет устроена. Нам будет ее не хватать, но это не страшно. Главное, что она будет счастлива.

– Мамочка, как же мы будем жить без нее?

– Милая моя, мы будем жить в нескольких милях от нее и станем встречаться каждый день. У тебя появится брат – настоящий любящий брат. Я самого высокого мнения о сердечной доброте Эдварда. Ты выглядишь угрюмой, Марианна. Разве ты не одобряешь выбор сестры?

– Скажем так, – ответила Марианна, – он меня несколько удивляет. Эдвард, безусловно, очень приятный молодой человек, но он совсем не принц. У него не слишком привлекательная фигура, в нем полностью отсутствуют грация и изящество, которые, как я считала, в первую очередь привлекают мою сестру. В его глазах нет огня, они говорят только о добродетели и достоинстве. И кроме того, мама, боюсь, у него отсутствует вкус. Музыка его не привлекает, и хотя он обожает рисунки Элинор, но вовсе не потому, что понимает их ценность. Конечно, он часто крутится возле нее, когда она рисует, но тем не менее становится очевидным, что он ничего не понимает в живописи. Он восхищается Элинор как женщиной, а вовсе не ее рисунками. А мне кажется, что в мужчине должно быть соединено и то и другое. Я бы не смогла быть счастлива с человеком, чьи вкусы не совпадают с моими. Человек, которого я полюблю, будет разделять все мои чувства, нам будут нравиться одинаковые книги, одна и та же музыка. О, мама, насколько бездуховным и невыразительным был Эдвард, когда нам вчера читал! Мне было искренне жаль сестру. А она все мужественно стерпела и даже сделала вид, что ей это понравилось. А вот я с трудом усидела на месте, было просто невозможно слушать, как эти волшебные строки, способные свести с ума чувствительного человека, произносятся с

непробиваемым спокойствием и воистину пугающим безразличием.

– Очевидно, он предпочитает простую и элегантную прозу. Вам следовало дать ему Купера.

– Но, мама, его не проймет даже Купер! Но следует сделать скидку на разницу во вкусах. Элинор чувствует не так, как я, и поэтому могла и ничего не заметить, и быть счастливой с ним. Но мое сердце было бы разбито, если бы я любила его и услышала, как он читает, не проявляя при этом никаких чувств. Мама, чем больше я узнаю мир, тем больше убеждаюсь, что никогда не встречу человека, которого смогу по-настоящему полюбить. Я слишком многого хочу. Он должен обладать всеми достоинствами Эдварда и, кроме того, быть очаровательным и чувствительным.

– Помни, моя дорогая, тебе еще нет семнадцати, так что рано отчаиваться. Почему ты считаешь, что тебе в жизни повезет меньше, чем твоей матери? Только в одном случае твоя судьба может отличаться от ее, Марианна.

Глава 4

– Какая жалость, Элинор, – сказала Марианна, – что Эдвард ничего не понимает в живописи.

– Ничего не понимает в живописи! – воскликнула Элинор. – С чего ты это взяла? Конечно, сам он не рисует, но ему нравится смотреть на картины других людей. Я уверяю тебя, что нельзя сказать, что ему не хватает природного вкуса, просто у него не было возможности развить его. Если бы он мог учиться, то, уверяю тебя, сейчас бы прекрасно рисовал. Он слишком неуверен в себе, поэтому никогда не выражает своего мнения относительно увиденной картины. Но у него врожденное чувство вкуса, которое позволяет ему двигаться в нужном направлении.

Марианна боялась обидеть сестру, поэтому не сказала ничего больше по этому поводу. Одобрение ее женихом чужих картин, которое взволнованно описывала Элинор, было очень далеко от восторженного восхищения, а ведь только оно, по

ее мнению, являлось неотъемлемой частью истинно художественной натуры. Поэтому она хотя и посмеивалась про себя, но не могла не испытывать уважения к Элинор, которая проявляла несвойственное ей упорство, пусть даже в заблуждении.

– Я надеюсь, Марианна, – продолжила Элинор, – что ты не считаешь Эдварда совсем лишенным вкуса. Впрочем, ты вряд ли так думаешь, ведь если бы ты так считала, то не была бы столь вежлива с ним.

Марианна не знала, что на это ответить. Она ни за что не ранила бы чувства своей сестры, но и солгать ей не могла.

– Не обижайся, Элинор, – сказала она наконец, – если я не разделяю твоего мнения о достоинствах Эдварда. Просто у меня не было возможности узнать его склонности так же хорошо, как у тебя. Но у меня сложилось самое высокое мнение о его доброте и разуме. Я считаю его в высшей степени достойным и удивительно любезным молодым человеком.

– Я уверена, – ответила Элинор с улыбкой, – что его лучшим друзьям обязательно понравилась бы подобная похвала. Даже не знаю, как можно было бы выразиться лучше.

Марианна могла только радоваться тому, что ее сестре оказалось так легко угодить.

– Что касается его разума и доброты, – так же воодушевленно продолжила Элинор, – никто из тех, кто имел возможность общаться с ним, в этом не сомневается. Его чуткость и другие превосходные качества могут быть скрыты только робостью, которая слишком часто заставляет его молчать. Ты его хорошо знаешь, поэтому отдаешь должное его достоинствам. Что же касается мельчайших черт, о которых ты говорила, то ты по чистой случайности знаешь меньше меня. Он и я проводили довольно много времени вместе, в то время как ты занималась чем-то с мамой. Я хорошо изучила его чувства, я слышала его мнение о различных литературных произведениях, а также по другим вопросам, поэтому я ни минуты не сомневаюсь, что он хорошо развит, образован, искренне наслаждается хорошими книгами. Он обладает живым воображением и тонким вкусом. Его способности постоянно совершенствуются, впрочем, то же самое можно сказать и о манерах. Он не обладает эффектной внешностью и не

привлекает внимание с первого взгляда, но при более близком знакомстве невозможно не оценить неповторимое выражение его глаз и удивительную доброту и мягкость. Сейчас я хорошо его знаю и считаю по-настоящему красивым… или почти красивым. Что ты говоришь, Марианна?

– Очень скоро я тоже буду считать его красивым. Когда ты скажешь, что я должна любить его, как брата, я сразу же перестану замечать несовершенство его лица.

Элинор вздрогнула от этого заявления и пожалела о той теплоте, которая невольно промелькнула в ее речи о нем. Она почувствовала, как много Эдвард значит для нее. Она верила, что уважение является взаимным, однако не была в этом абсолютно уверена. Она знала, что, если Марианна и ее мать что-то предполагают, в следующий момент они начинают в это верить, а затем надеяться и ждать. Она попыталась объяснить истинное положение вещей своей сестре.

– Я не хочу отрицать, – сказала она, – что я высоко ценю этого человека, что он мне нравится.

– Ценишь его! – негодующе фыркнула Марианна. – Да у тебя вместо сердца ледышка, Элинор. Скажи мне еще раз, что ты высокого мнения об этом человеке, и я тут же уйду из комнаты.

Элинор не могла не улыбнуться.

– Извини, – сказала она, – я вовсе не хотела тебя задеть, говоря так спокойно о своих чувствах. Поверь, они сильнее, чем могут показаться. Я действительно надеюсь на его привязанность, но не более того. Иногда я сомневаюсь, насколько сильна эта привязанность. И до тех пор, пока его чувства мне неизвестны, вряд ли стоит удивляться некоторой сдержанности с моей стороны. Сердцем я чувствую, что он ко мне хорошо относится, но кроме чувств следует рассматривать и другие аспекты. Он не является независимым. Мы не знаем, какие планы у его матери. Судя по некоторым случайным замечаниям Фанни, скорее всего, не следует рассчитывать на ее дружеское расположение. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что Эдвард и сам ожидает много проблем, если решит жениться на женщине, у которой нет ни денег, ни титула.

Марианна была удивлена тем, насколько их с матерью воображение опережает события.

– Значит, ты на самом деле не помолвлена с ним! – воскликнула она. – Тогда это скоро произойдет. Но из этой задержки следует два весьма положительных момента: во-первых, я не потеряю тебя так скоро; а во-вторых, у Эдварда будет больше возможности развить свой природный вкус и по достоинству понять и оценить твое любимое занятие, что является непременным условием твоего счастья. Ах, если бы он воодушевился твоими успехами настолько, что сам научился рисовать! Это было бы восхитительно.

Элинор сказала сестре правду. Она не считала, что ее отношения с Эдвардом зашли так далеко, как в этом была уверена Марианна. Иногда в нем появлялось что-то если и не означающее полное безразличие, то, во всяком случае, не обещающее ничего впереди. Сомнение в ее уважении, если, конечно, он это чувствовал, должно было поселить в его душе беспокойство, но вряд ли могло вызвать то удрученное состояние, которое его часто посещало. Скорее всего, истинная причина крылась в его зависимом состоянии, которое не давало ему распахнуть объятия любимой девушке. Она знала, что его мать никогда не старалась окружить его домашним уютом и не поощряла к созданию собственного дома, не говоря уже о ее тайных амбициях на его счет. Зная все это, Элинор не могла чувствовать себя легко и спокойно. Она не слишком полагалась на силу его привязанности и не считала, как ее мать и сестра, вопрос о своем будущем решенным. Более того, чем больше они оставались вместе, тем более сомнительной казалась ей природа его чувств. Иногда она уже была готова поверить, что Эдвард не испытывает к ней ничего, кроме дружбы.

Однако, что бы там ни было в действительности, это не могло остаться незамеченным его сестрой, которая сразу же почувствовала неладное. Она не преминула воспользоваться этим поводом, чтобы забыть об элементарной вежливости и оскорбить свою свекровь. Она так воодушевленно описывала блестящее будущее, которое ожидает ее брата, планы миссис Феррарс относительно женитьбы своих сыновей и те меры, которые она намерена предпринять, чтобы оградить их от опасности со стороны молодых особ, которые попытаются поймать их в ловушку, что миссис Дэшвуд не могла ни пропустить ее грязные намеки мимо ушей, ни остаться спокойной. Она ответила ей со всей презрительностью, на которую была способна, и тотчас покинула комнату, преисполненная решимостью, несмотря на неудобство и лишние расходы, связанные с поспешным отъездом, пойти на этот шаг, чтобы уберечь свою

любимую Элинор от оскорблений.

Она все еще пребывала в весьма возбужденном состоянии, когда ей принесли пришедшее по почте письмо, в котором содержалось предложение, пришедшееся удивительно кстати. Один из ее родственников, богатый джентльмен из Девоншира, предлагал сдать ей внаем принадлежавший ему небольшой домик, причем на самых выгодных условиях. Письмо было написано джентльменом собственноручно и было проникнуто духом дружественного расположения. Он понимал, что ей необходим кров, и хотя мог предложить ей всего лишь простой деревенский домик, но заверял свою родственницу, что благоустроит его в соответствии с ее пожеланиями, если дом ей понравится. Описав дом и сад, он пригласил миссис Дэшвуд с дочерьми приехать в любое удобное для них время в его имение в Бартон-Парк и решить, подходит ли ей бартонский коттедж и в какой перестройке он нуждается. Судя по тону письма, он искренне стремился устроить их поудобнее, что не могло не доставить удовольствия его родственнице. Это пришлось тем более кстати в тот момент, когда она страдала от холода и бесчувственности своего окружения. Она ни минуты не сомневалась и немедленно по прочтении письма решила ехать. Тот факт, что Бартон располагался в столь удаленном от Суссекса месте, как Девоншир, еще несколько часов назад явился бы достаточной причиной, чтобы вообще не рассматривать этот вопрос, теперь же он явился основным доводом «за». Необходимость покинуть окрестности Норленда уже не казалась миссис Дэшвуд немыслимым несчастьем. Теперь она этого страстно желала. Она могла расстаться со своим унизительным положением бедной родственницы в доме Фанни, и сознание этого приводило ее в восторг. Конечно, жаль было покидать столь дорогое сердцу место. Но это все-таки не так мучительно, как жить там или даже только приезжать с визитом, пока хозяйкой остается такая ужасная женщина. Не откладывая дело в долгий ящик, она написала сэру Джону Мидлтону, что тронута его добротой и принимает его любезное приглашение. Затем она поспешила показать оба письма дочерям, чтобы, прежде чем отправить ответ, заручиться их согласием.

Элинор всегда думала, что было бы значительно благоразумнее с их стороны обосноваться на некотором расстоянии от Норленда. Поэтому она не могла возражать против желания матери переселиться в Девоншир. Да и дом, если верить описанию сэра Джона, был так скромен, а плата настолько низкая, что у нее не было повода сказать что-нибудь против. Вот почему, хотя план матери ее не слишком радовал и отъезд так далеко от Норленда ее личным желаниям не соответствовал, она не стала отговаривать миссис Дэшвуд от намерения немедленно отправить письмо.

Глава 5

Как только ответ был отправлен, миссис Дэшвуд не смогла отказать себе в удовольствии лично сообщить своему пасынку и его жене о том, что нашла подходящий дом и сразу же перестанет их стеснять, как только дом будет готов к переезду. Они удивленно выслушали ее. Миссис Джон Дэшвуд не сказала ничего, а ее муж выразил надежду, что они поселятся недалеко от Норленда. Миссис Дэшвуд ответила с огромным наслаждением, что пере езжает в Девоншир. Услышав это, Джон поспешно повернулся к ней и голосом, полным удивления, которое не требовалось ей объяснять, переспросил:

– Девоншир? Так вы на самом деле едете туда? Но это же так далеко отсюда! А куда именно?

Она объяснила, что домик находится в четырех милях к северу от Эксетера.

– Правда, это коттедж, – продолжила она, – но я надеюсь увидеть там своих друзей. Несколько комнат вполне можно достроить. Так что если моим друзьям не составит большого труда преодолеть столь долгий путь, то место в моем доме им всегда найдется.

В конце концов она пригласила мистера и миссис Дэшвуд навестить ее в Бартоне, обратившись к Джону особенно любезно. Хотя после своего последнего разговора с невесткой она твердо решила не оставаться в Норленде больше чем потребуется, тем не менее он не произвел на нее такого впечатления, на которое был рассчитан.

Мистер Джон Дэшвуд постоянно повторял, как сильно он сожалеет, что его мать переезжает так далеко и что он не может ей помочь в перевозке мебели. Он был слегка раздосадован тем, что теперь не мог выполнить данное отцу обещание в тех рамках, которые сам для себя установил. Вещи отправили по воде. Груз главным образом состоял из белья, посуды, фарфоровых изделий и книг, там также находилось фортепьяно Марианны. Миссис Джон Дэшвуд не смогла скрыть своих чувств, увидев багаж. Ее раздражало то, что, несмотря на гораздо меньший доход, у миссис Дэшвуд были такие красивые предметы мебели.

Миссис Дэшвуд сняла дом на двенадцать месяцев. Он был меблирован и готов к приему новых хозяев. Никаких проблем ни с той, ни с другой стороны не возникло, и ей только оставалось распорядиться тем имуществом, которое она оставляла в Норленде. А так как она всегда делала то, в чем была заинтересована, очень быстро, то вскоре миссис Дэшвуд отправилась в дорогу. Лошади, которые достались ей от мужа, были проданы вскоре после его смерти. А сейчас представилась возможность продать экипаж, что миссис Дэшвуд и сделала по совету старшей дочери. Следуй она своим собственным желаниям, непременно оставила бы его, но она действовала во благо своих детей, и поэтому благоразумие Элинор победило. Также благодаря ей количество слуг уменьшилось до трех – двух служанок и дворецкого, которые были быстро выбраны из числа тех, кто служил в Норленде.

Дворецкий и одна из служанок немедленно были отправлены в Девоншир, чтобы приготовить дом к прибытию хозяйки. Миссис Дэшвуд не была знакома с миссис Мидлтон, поэтому предпочла отправиться сразу в коттедж, а не проводить какое-то время в Бартон-Парке в качестве гостя. Она так хорошо знала дом по описанию сэра Джона, что не считала необходимым осмотреть его самостоятельно, до того как он стал ее собственным. Ее желание как можно скорее покинуть Норленд постоянно росло при виде той явной радости, с которой ее невестка встретила известие об их скором отъезде. Миссис Джон Дэшвуд не считала необходимым скрывать свое удовлетворение по этому поводу и лишь однажды снизошла до весьма холодного предложения не спешить со сборами. Наступивший момент представлялся очень подходящим для того, чтобы ее пасынок выполнил обещание, данное умирающему отцу. Поскольку он не сделал этого при своем первом появлении в поместье, было бы логично предположить, что он сделает это сейчас. Но миссис Дэшвуд уже почти не надеялась на это. Судя по разговорам и намекам, он считал вполне достаточным, что в течение шести месяцев содержал их в Норленде. Он беспрестанно твердил о постоянно возрастающих расходах на содержание дома, а также о том, что человек, занимающий мало-мальски приличное положение в обществе, вынужден тратить весьма значительные суммы денег. Поэтому создавалось впечатление, что он сам постоянно борется с нуждой и уж тем более не в состоянии расстаться с какой-нибудь частью своих доходов.

Всего лишь за несколько недель, прошедших со дня получения письма от сэра Джона Мидлтона, все было подготовлено к отъезду, и миссис Дэшвуд с дочерьми могли отправляться в путешествие. Много было пролито слез при расставании со столь милыми сердцу местами.

– Милый, дорогой Норленд! – восклицала Марианна, без устали шагая взад-вперед по дорожке перед домом вечером накануне отъезда. – Когда же я перестану сожалеть о тебе, когда же я смогу почувствовать себя дома где-нибудь еще! О, мой милый дом, если бы ты только мог знать, какие муки я сейчас испытываю, глядя на тебя. Я содрогаюсь от мысли, что могу больше тебя никогда не увидеть. А ты останешься таким же, и тебя будут окружать все те же деревья. С них не упадет ни один листок из-за того, что мы уезжаем. Ни одна веточка не шевельнется, хотя мы не сможем больше тобою любоваться. Здесь все останется по-прежнему, не ведая ни о горе, ни о радости людей, живущих рядом с вами. Но кто же здесь останется?

Глава 6

Грусть и печаль – не самые лучшие спутники в дороге, поэтому начало путешествия показалось матери и дочерям скучным, однообразным и необыкновенно утомительным. Когда же оно приблизилось к концу, интерес к краю, где им отныне предстояло жить, несколько рассеял уныние, а открывшийся перед ними вид Бартонской долины даже вселил некоторое подобие бодрости духа. Ее густые рощи и сочные луга не могли не радовать глаз. И вот наконец, проехав около мили по затейливо вьющейся дороге, они оказались рядом со своим новым домом, перед которым располагался небольшой зеленый двор.

Бартонский коттедж был небольшим, но очень удобным и уютным домиком. Однако он по внешнему виду несколько отличался от стандартного сельского коттеджа: его крыша была покрыта черепицей, ставни не были выкрашены зеленой краской, а стены не увиты жимолостью. Узкий коридор, пересекающий дом, вел прямо к задней двери, выходившей в сад. Справа и слева от входа располагались две гостиные, каждая площадью примерно шестнадцать квадратных футов, а за ними хозяйственные помещения. Еще в доме находились четыре спальни и чердак. Очевидно, коттедж был построен не слишком давно и содержался в хорошем состоянии. Конечно, в сравнении с Норлендом это было бедное и тесное жилище, но слезы, вызванные горькими воспоминаниями, быстро высохли. Несомненно, их несколько утешила радость, с которой хозяек встретили слуги, но, кроме того, каждая из женщин, ради спокойствия остальных, старалась выглядеть счастливой. Было самое начало сентября,

поэтому хорошая погода приукрасила место, где им предстояло жить. Когда все вокруг залито ярким солнечным светом, поневоле верится только в хорошее, и очень скоро миссис Дэшвуд и ее дочери уже не сомневались, что никогда не пожалеют о своем переезде сюда.

Дом был удивительно удачно расположен. Сразу за ним поднимались высокие холмы, окружавшие его полукругом справа и слева, одни были крутыми и голыми, склоны других возделаны, а третьих заросли лесом. На склоне одного из холмов и расположилась деревушка Бартон, представлявшая собой весьма живописное зрелище, которым можно было любоваться из задних окон коттеджа. Фасад коттеджа был обращен к долине. Холмы, окружавшие коттедж, закрывали долину с этого конца. Но если пройти по извилистому проходу между двумя самыми крутыми холмами, то становилось ясно, что долина продолжается и далее, хотя там она носила уже другое название.

Размерами и обстановкой коттеджа миссис Дэшвуд осталась в целом довольна. Конечно, кое-чего недоставало, но ей всегда нравилось вносить улучшения и добавления в обстановку, тем более что у нее в тот момент было достаточно денег, чтобы добавить желаемое изящество их жилищу.

– Дом, конечно, для нашей семьи маловат, – говорила она. – Но мы пока потерпим, потому что скоро наступит зима, и уже поздно начинать какие-либо серьезные работы. Может быть, весной, если у меня будут деньги, а они должны быть, я уверена, мы подумаем о строительстве. Эти гостиные слишком малы, чтобы вместить всех наших друзей, которых я надеюсь часто здесь видеть. Я думаю, что к одной из них можно присоединить коридор, а также часть второй гостиной, превратив оставшуюся часть в просторную переднюю, а если добавить еще музыкальную комнату, спальню и мансарду, то получится вполне уютный маленький коттедж. Конечно, я бы хотела, чтобы лестница была красивее, но, в конце концов, невозможно же требовать всего, хотя, впрочем, сделать ее шире не так сложно. К весне посмотрим, какими средствами я буду располагать, и тогда решим, что делать.

Перестройка дома должна была производиться на суммы, откладываемые из пятисот фунтов годового дохода женщиной, никогда в жизни не знавшей, что такое экономия. Пока в ожидании перемен к лучшему семейство благоразумно удовлетворилось коттеджем в его нынешнем виде. Каждая из женщин занялась устройством своей комнаты, они расставляли книги, безделушки и делали все, чтобы почувствовать себя дома. Фортепьяно Марианны было распаковано и

установлено на отведенное для него место, рисунки Элинор украсили стены гостиной.

Они посвятили хозяйственным хлопотам все утро следующего дня. Вскоре после завтрака их отвлек от этих занятий владелец коттеджа, который прибыл поприветствовать их в Бартоне и сообщить, что если они в чем-то нуждаются, то его дом и сад к их услугам. Сэр Джон Мидлтон оказался весьма приятным мужчиной лет сорока. Он когда-то гостил в Стенхилле, но это было так давно, что его молодые родственницы не сохранили о нем никаких воспоминаний. Его лицо было добрым и веселым, а манеры такими же дружелюбными, как и стиль его письма. Судя по всему, он искренне радовался их приезду и всей душой желал помочь им устроиться поудобнее. Он много говорил о своей горячей надежде на самые дружественные отношения между ними и его семьей. Он так настойчиво приглашал их ежедневно обедать в Бартон-Парке, пока они окончательно не устроятся, что мог бы показаться назойливым, если бы не был так открыт и радушен. Его доброта не ограничивалась одними только словами: спустя всего лишь час после того, как он их покинул, из Бартон-Парка доставили большую корзину с овощами и фруктами, а вечером принесли дичь. Кроме того, хозяин пообещал доставлять все их письма с почты и на почту, а также ежедневно присылать им его газету.

Леди Мидлтон передала с ним записку, в которой весьма учтиво извещала миссис Дэшвуд, что желала бы нанести ей визит, как только это будет удобно. Ответом послужило не менее вежливое приглашение ее милости посетить их на следующий же день. Разумеется, миссис Дэшвуд и ее дочерям не терпелось увидеть особу, от которой в значительной степени зависело, насколько приятной будет их жизнь в Бартоне. Следует заметить, что ее внешность произвела на них самое приятное впечатление. Леди Мидлтон было не более двадцати шести или двадцати семи лет. Она обладала красивыми чертами лица, высокой и стройной фигурой, изысканными манерами. Эта женщина являлась самим воплощением утонченного изящества, которого не хватало ее мужу, но вместе с тем ей нисколько не повредила бы некоторая доля его искренности и сердечности. Ее визит оказался достаточно долгим для того, чтобы первый восторг миссис Дэшвуд и ее дочерей несколько поутих. Она была безупречно воспитана, но вместе с тем замкнута и холодна, и ничего не говорила, кроме общепринятых вопросов и банальных замечаний.

Однако беседу удавалось поддерживать без труда. Сэр Джон был довольно разговорчив, если не сказать болтлив, а леди Мидлтон благоразумно привезла с

собой своего старшего сына, симпатичного мальчугана лет шести, обеспечив таким образом неисчерпаемую тему для беседы. Гостям Бартона необходимо было узнать, как зовут малыша, сколько ему лет, восхититься его миловидностью, а также задать ему множество всяких вопросов, на которые отвечала его мать. А ребенок не отходил от нее ни на шаг и, потупившись, прижимался к ней, чем немало удивлял ее милость, которая утверждала, что он необыкновенно застенчив в обществе, в то время как дома создает немало шума. Во время светских визитов ребенок необходим, чтобы не иссякал разговор, и в этот раз потребовалось десять минут, чтобы выяснить, на кого мальчик больше похож, на отца или мать, и в чем конкретно это сходство заключается. Разумеется, мнения всех присутствующих разошлись, и каждый из собеседников не переставал удивляться слепоте другого.

Дэшвудам вскоре предстояло убедиться в исключительных достоинствах и остальных детей, поскольку сэр Джон наотрез отказался уходить, не заручившись их согласием пообедать в Бартон-Парке на следующий день.

Глава 7

Бартон-Парк находился в полумиле от коттеджа, и женщины прошли рядом с ним, спускаясь в долину. Но склон холма заслонял вид парка от нового дома миссис Дэшвуд. Дом был большой и красивый и особенно подходил для образа жизни семьи Мидлтон, гостеприимного и элегантного. Первое было заслугой сэра Джона, а второе – его жены. У них практически всегда гостили друзья, собиралось самое разнообразное общество, как нигде более по соседству. Это было необходимо для счастья супругов, ведь хотя они были абсолютно не похожи друг на друга по характеру и манере поведения, но они обладали одним несомненным сходством: у них не было никаких особых талантов и серьезных интересов, поэтому у них не было других занятий, кроме тех, которые предлагала светская жизнь. Сэр Джон был спортсменом, леди Мидлтон – матерью. Он охотился, она возилась с детьми, и это все, чем они занимались. Но у леди Мидлтон было преимущество: она могла круглый год баловать своих детей, тогда как сэр Джон мог заниматься любимым делом только полгода. Но постоянные поездки к друзьям и частые приемы гостей у себя восполняли время, оставшееся от забав сэра Джона на природе и воспитания детей, поддерживали в нем хорошее настроение и давали возможность его жене показать свои безупречные манеры.

Леди Мидлтон гордилась элегантностью своего стола и всего дома и получала огромное удовольствие оттого, что такое огромное число людей может его видеть. Для сэра Джона общество значило гораздо больше, обычно он собирал вокруг себя молодых леди и джентльменов, причем в количестве даже большем, чем дом мог вместить, и чем громче гости себя вели, тем приятнее ему было. Его любила вся молодежь в округе: летом он постоянно устраивал пикники на свежем воздухе с холодным окороком и курицей, а зимой – танцевальные вечера, причем так часто, что только пятнадцатилетние девушки могли пожелать, чтобы он проводил их чаще.

Приезд новой семьи всегда приводил его в радость, а новые обитательницы коттеджа в Бартоне его просто очаровали. Девушки были молоды, красивы и абсолютно естественны. А этого для сэра Джона было достаточно: естественность придавала очарование не только их внешности, но и характеру. Добрый по натуре, он был рад дать жилье тем, кто был лишен прежних благ. Оказав помощь своим родственницам, он доставил радость себе; поселив в коттедже лишь представительниц прекрасного пола, он испытал удовлетворение охотника, поскольку хотя любой охотник и уважает представителей сильной половины человечества, которые делят его увлечение, но при этом вряд ли преисполнится желанием пустить их на жительство в свое поместье.

Сэр Джон встретил миссис Дэшвуд с дочерьми на пороге своего дома, искренне поприветствовав их в Бартон-Парке. А провожая в гостиную, он, как и накануне, очень огорчался, что не сможет познакомить девушек с молодыми кавалерами. Кроме него они смогут сегодня увидеть только одного джентльмена, сказал он, близкого друга семьи, который гостит сейчас в Бартон-Парке, но он не особенно молод и не очень любит веселиться. Он выразил надежду, что дамы извинят его за столь скромный прием и примут заверения в том, что впредь все будет по-другому. Этим утром он посетил несколько семейств по соседству в надежде собрать более многочисленное общество, но у всех уже были какие-нибудь приглашения. К счастью, не далее как час назад в Бартон прибыла мать леди Мидлтон. Это очень веселая и жизнерадостная женщина, и она наверняка не даст юным девицам скучать. Миссис Дэшвуд и ее дочери заверяли любезного хозяина, что вполне удовлетворены двумя новыми знакомствами и не желают ничего большего.

Миссис Дженнингс, мать леди Мидлтон, была веселой толстой пожилой дамой. Она много говорила, казалась абсолютно счастливой и, пожалуй, выглядела

несколько вульгарно. Она все время шутила и смеялась и еще до окончания обеда успела отпустить множество высказываний на тему о мужьях и поклонниках. Она открыто заявила, что гостьи наверняка оставили свои сердца в далеком Суссексе, потому что все три покраснели. При этом ее совершенно не интересовало, действительно ли кто-нибудь из слушательниц покраснел. Марианна очень переживала за сестру и постоянно посматривала на нее с такой искренней тревогой, что ее сочувственные взгляды доставляли Элинор больше беспокойства, чем простецкие шутки миссис Дженнингс.

Полковник Брэндон, друг сэра Джона, казалось, столь же не соответствовал роли его друга, как леди Мидлтон не подходила для роли его жены, а миссис Дженнингс – для роли матери хозяйки дома. Он был молчалив и серьезен, пожалуй даже угрюм. Однако его внешность не была лишена привлекательности, несмотря на то что Марианна и Маргарет с ходу прозвали его про себя старым холостяком. А то как же, ведь ему было никак не меньше тридцати пяти лет. Тем не менее, хотя его лицо и не поражало изысканной красотой черт, оно было чувственным, к тому же он держался как истинный джентльмен.

Никто в этом обществе не пробудил в Дэшвудах желания продолжить знакомство, однако холодная безжизненность леди Мидлтон была настолько отталкивающей, что по сравнению с ней даже угрюмость полковника Брэндона и неуемная болтливость сэра Джона и его тещи казались интересными. Леди Мидлтон немного оживилась, только когда после окончания обеда в столовую ворвались четверо ее детей. Они наперебой дергали ее, разорвали платье и таким образом положили конец любой беседе, не касающейся их.

Вечером, когда выяснилось, что Марианна неплохо играет на фортепьяно, ее попросили сыграть. Открыли инструмент, гости приготовились слушать. Марианна, у которой к тому же был неплохой голос, по просьбе собравшихся пропела почти все романсы, которые леди Мидлтон привезла с собой после свадьбы. Правда, с тех пор они так и лежали на фортепьяно и их покой никто ни разу не потревожил, потому что ее милость отпраздновала свое замужество тем, что навсегда забросила музыку, хотя, если верить ее матери, она великолепно играла, а по ее собственным словам, очень любила этим заниматься. Игру Марианны встретили восторженными аплодисментами. По окончании каждой песни сэр Джон громогласно выражал свое восхищение, впрочем, он так же громко разговаривал и пока она пела. Леди Мидлтон часто призывала супруга к порядку, вслух удивляясь, как можно хотя бы на мгновение перестать

наслаждаться музыкой, затем она просила Марианну непременно спеть ее любимый романс, при этом именно тот, который Марианна только что закончила. И только полковник Брэндон слушал без громких изъявлений своего восхищения. Но его внимание было для исполнительницы лучшим комплиментом. Марианна даже почувствовала к нему уважение на фоне остальных гостей, у которых полностью отсутствовал вкус. Удовольствие, которое доставляла ему музыка, хотя и не могло сравниться с восторженным экстазом, в котором пребывала она сама, все же было намного предпочтительнее ужасающей бесчувственности остальных. Она вполне допускала, что мужчина, дожив до тридцати пяти лет, мог ввиду своего преклонного возраста утратить остроту чувств и способность упиваться наслаждением. Поэтому она была готова извинить престарелого полковника, как этого требуют законы милосердия.

Глава 8

Миссис Дженнингс была богатой вдовой, у которой было две дочери, обе удачно вышли замуж, а поэтому ей было больше нечем заняться, кроме как переженить весь свет. Она всегда действовала очень активно, насколько ей хватало сил и возможностей, и никогда не упускала случая устроить свадьбу между ее знакомыми. Она поразительно быстро узнавала о зарождающейся любви, а затем намекала об этом юной леди, чем заставляла ту краснеть, после чего начинала рассказывать о власти этой девушки над тем или иным кавалером, чем вызывала в ее душе тщеславие. Подобного рода проницательность дала ей возможность, вскоре после приезда в Бартон, объявить, что полковник Брэндон влюбился в Марианну Дэшвуд. Она начала это подозревать еще в тот вечер, когда полковник столь внимательно слушал пение девушки. А когда Мидлтоны, возвращая визит, обедали в коттедже, она смогла удостовериться в этом, ведь он снова внимательно слушал, как она пела. Да, это на самом деле так. Она была абсолютно уверена в этой любви. О, это будет прекрасная пара – он богат, а она красива. Перед миссис Дженнингс проблема удачной женитьбы полковника Брэндона стояла с тех пор, как сэр Джон только представил его ей. А красивую девушку она просто не могла не выдать замуж.

Она тут же начала извлекать выгоду из создавшегося положения и потому не скупилась на шутки в адрес обоих. В Бартон-Парке она подшучивала над полковником Брэндоном, а в коттедже над Марианной. И если первого ее

насмешки мало волновали, так как касались только его самого, то Марианна вначале их просто не понимала, а когда разобралась, то не знала, то ли смеяться над абсурдностью предположения, то ли осуждать наглость подобных предположений, так как она считала их насмешкой над преклонными годами полковника и над одиночеством старого холостяка.

Миссис Дэшвуд, которая не считала человека моложе себя на пять лет близким к дряхлости, как казалось ее юной дочери, решила защитить миссис Дженнингс от обвинений в насмешках над его пожилыми годами.

– Но, в конце концов, мама, ты не можешь отрицать нелепость такого рода обвинений, пусть даже они, по-твоему, злы и непреднамеренны. Полковник Брэндон конечно же моложе миссис Дженнингс, но мне он все равно в отцы годится. И даже если он когда-то раньше обладал достаточно пылким сердцем, чтобы влюбиться, то давно эту пылкость утратил. Это смешно! И если возраст и немощь не могут помешать мужчине совершать такие глупости, то что сможет?

– Немощь! – воскликнула Элинор. – Ты назвала полковника Брэндона немощным? Я могу представить, что он показался тебе гораздо старше, чем маме. Но, согласись, он выглядит здоровым и вполне твердо стоит на ногах.

– Ты разве не слышала его жалоб на ревматизм? Разве это не признак дряхлости?

– Моя милая, – со смехом сказала ее мать, – в таком случае ты, должно быть, постоянно в ужасе в ожидании моей скорой кончины. И наверное, для тебя это настоящее чудо, что я смогла дожить до почтенных сорока лет.

– Мама, ты несправедлива! Я знаю, что полковник еще не настолько стар, чтобы его друзья опасались его смерти от естественных причин. Он вполне может прожить еще лет двадцать, но тридцать пять лет – не тот возраст, когда думают о браке.

– Возможно, – ответила Элинор, – что мужчине тридцати пяти лет и девушке семнадцати лет о браке лучше и не думать. Но если найдется одинокая женщина двадцати семи лет, то тридцатипятилетний полковник вполне мог бы жениться на ней.

– Женщина двадцати семи лет, – сказала Марианна после небольшой паузы, – не может даже надеяться на то, что сможет испытать сама или внушить кому-нибудь трепетные чувства. А уж если ее дом непригоден для жилья и у нее маленькое состояние, то, мне кажется, она может принять на себя обязанности хозяйки дома и сиделки при будущем муже только ради обеспеченности и покоя, которые обретет в браке. И в подобной женитьбе не найдут ничего предосудительного. Такой брак удобен обоим, а окружающие не найдут в нем ничего странного. Но в моих глазах это не брак вовсе, это просто сделка, в которой каждый находит для себя выгоду за счет другого.

– Я знаю, что тебя невозможно убедить поверить в то, что двадцатисемилетняя женщина может испытывать к тридцатипятилетнему мужчине какие-либо чувства и что он может стать для нее прекрасным мужем. Но я не согласна с тем, что ты обрекла полковника Брэндона на постоянные болезни, его жену на вечный уход за ним только из-за того, что он вчера пожаловался (а ты помнишь, что вчера было сыро и холодно) на легкую ревматическую боль в плече.

– Но он говорил о фланелевых жилетах, – воскликнула Марианна, – а для меня они всегда связаны с болью в костях, судорогами, ревматизмом и другими старческими болезнями!

– Если бы он слег в лихорадке, то вряд ли удостоился бы подобной критики. Признайся, Марианна, ведь горящее лицо, тусклые глаза и быстрый пульс привлекают тебя гораздо больше?

После этого Элинор покинула комнату, а Марианна обратилась к матери.

– Мама, – сказала она, – я постоянно думаю только о болезнях и ни о чем другом. Я не сомневаюсь, что Эдвард Феррарс заболел. Мы здесь уже вторую неделю, а он так и не приехал. Только серьезная болезнь может объяснить это. Что еще могло задержать его в Норленде?

– Ты ждала его так скоро? – спросила миссис Дэшвуд. – Я – нет. Наоборот, меня больше волнует другое: когда я приглашала его погостить у нас, то не увидела ни особой радости, ни готовности приехать. Думаешь, Элинор его уже ждет?

– Я у нее не спрашивала, но она, скорее всего, уже ждет.

– Мне кажется, что ты ошибаешься. Когда я вчера говорила ей о том, что нужна новая решетка для одной из спален для гостей, она сказала, что торопиться незачем, будто бы комната в ближайшее время не понадобится.

– Странно! Что бы это могло означать? Хотя их поведение в принципе объяснить нельзя. Как спокойно они разговаривали друг с другом накануне отъезда! Каким холодным и сдержанным было их прощание! Эдвард прощался с Элинор как со мной, как любящий брат с сестрами, не более. В утро отъезда я дважды специально оставляла их одних в комнате, и оба раза Эдвард покидал комнату следом за мной. И Элинор, покидая Норленд и Эдварда, плакала гораздо меньше меня. И теперь она постоянно держит себя в руках. Ни унылости, ни меланхолии! А разве она пыталась хоть раз избегать нашего общества или появлялась где-нибудь грустной и недовольной?

Глава 9

Дэшвуды устроились в Бартоне с комфортом. Дом, и сад, и все, что их окружало, становилось для них с каждым днем более привычным. Они вновь вернулись к любимым занятиям, придававшим Норленду половину его очарования, и делали все с гораздо большим удовольствием, чем в Норленде после смерти отца. Сэр Джон Мидлтон, навещавший их каждый день в течение двух недель, не привык к подобным занятиям у себя дома и потому не переставал удивляться, находя их постоянно занятыми каким-либо делом.

И если не считать обитателей Бартона, то редко кто приходил к ним в гости. Несмотря на настойчивые просьбы сэра Джона поближе познакомиться с соседями и постоянные напоминания, что его карета к их услугам, независимость миссис Дэшвуд победила желание ее детей постоянно находиться в обществе. Поэтому она решительно отказалась навещать тех соседей, к которым нельзя дойти пешком. Таких же оказалось мало, и не все они принимали у себя гостей. Где-то в полутора милях от коттеджа в узкой долине Алленхейм, которая, как говорилось раньше, была продолжением Бартонской, девушки во время одной из своих первых прогулок обнаружили старинный респектабельный особняк, который им напомнил Норленд, он зажег их воображение, и им захотелось побольше узнать о нем. Но, наведя справки, они выяснили, что владелица дома, дама весьма преклонных лет, к сожалению,

слишком слаба здоровьем, чтобы принимать гостей и выезжать в свет.

В окрестностях коттеджа было много изумительных мест для прогулок. Высокие холмы, которыми можно было любоваться из каждого окна коттеджа, манили его обитательниц насладиться чистейшим воздухом на их вершинах. Такие прогулки должны были привнести в жизнь сестер приятное разнообразие, особенно в те дни, когда распутица делала гуляние по низинам весьма сомнительным удовольствием. К одному из этих холмов однажды и направились Марианна и Маргарет, привлеченные яркими солнечными лучами, периодически прорывавшимися сквозь тучи. Два дня перед этим они провели в вынужденном заточении из-за проливного дождя и теперь очень радовались вновь обретенной свободе. Перспектива прогулки в пасмурную погоду не обрадовала миссис Дэшвуд и Элинор, и они предпочли остаться дома: одна – с любимой книгой, другая – с карандашами. На них не подействовали горячие уверения Марианны в том, что день обязательно прояснится и очень скоро в небе над их холмами не останется ни одной тучи. Поэтому младшие барышни отправились на прогулку вдвоем.

Оживленно болтая, они поднимались по пологому склону, радуясь каждому замеченному сквозь завесу туч кусочку голубого неба, а когда на их разгоряченные лица подул прохладный юго-западный ветер, они снова пожалели о том, что напрасные опасения помешали матери и Элинор разделить с ними это восхитительное удовольствие.

– Разве можно вообразить что-нибудь лучше! – воскликнула Марианна. – Маргарет, мы будем здесь гулять не менее двух часов!

Маргарет согласилась, и, весело смеясь, девушки двинулись навстречу ветру. Они шли еще минут двадцать, когда неожиданно тучи над их головой сомкнулись и в лица ударили холодные струи дождя. Они были вынуждены повернуть обратно, потому что ближайшим укрытием был их дом. Однако и в таком повороте событий девочки нашли утешение, капризы погоды позволили им на время забыть о приличиях и со всех ног пуститься бегом вниз по склону, который вел прямо к их калитке.

Не медля ни минуты, они побежали. Марианна сначала опередила сестру, но оступилась и упала. Маргарет слишком разогналась и не смогла остановиться, чтобы помочь ей, поэтому первой достигла подножия холма.

Навстречу поднимался джентльмен с ружьем, вокруг которого бегали два пойнтера. Когда Марианна оказалась на земле, незнакомец находился от нее всего лишь в нескольких шагах. Он положил ружье и бросился к ней. Марианна поднялась на ноги, но, как выяснилось, с трудом могла стоять, потому что вывихнула лодыжку. Джентльмен предложил свою помощь, от которой она стыдливо отказалась. Разумно полагая, что, исходя из требований необходимости, девичьей скромностью можно и пренебречь, джентльмен без лишних слов подхватил девушку на руки и понес вниз. Он прошел через калитку, которую Маргарет оставила открытой, внес Марианну в дом и опустил в кресло.

Элинор и ее мать при появлении странной процессии растерянно встали. Обе глядели на незнакомца с явным удивлением, к которому примешивалось тайное восхищение, которое не могла не внушить им его внешность. Он принес извинения за свое внезапное вторжение, объяснив его причину с такой искренностью и непринужденностью, что хозяйки оказались под впечатлением не только его мужественной красоты, но и приятного голоса и изысканной речи. Но даже будь он старым, безобразным и вульгарным, миссис Дэшвуд все равно испытывала бы к нему благодарность за внимание, оказанное ее ребенку, однако молодость, красота и элегантность придали поступку незнакомца в ее глазах особый интерес.

Она снова и снова благодарила его, а затем любезно пригласила сесть. Он отказался, сославшись на то, что его одежда совсем промокла и испачкалась. Тогда она поинтересовалась, кому столь обязана. Джентльмен ответил, что его фамилия Уиллоби и он сейчас живет в Алленхейме. После чего он учтиво попросил оказать ему честь и разрешить на следующее утро побывать у них, чтобы справиться о здоровье мисс Дэшвуд. Эту честь ему оказали, причем с превеликой охотой, после чего он удалился в дождь.

Мужественная красота и необыкновенное изящество нового знакомого тотчас стали темой всеобщего восхищения. Внешняя привлекательность спасителя придала маленькому приключению Марианны особую пикантность. Марианна, в отличие от остальных обитательниц дома, его почти не разглядела. Смущение, завладевшее всем ее существом, когда он подхватил ее на руки, не позволило ей, даже сидя на диване в гостиной, поднять на него глаза. Но все же она успела заметить достаточно, чтобы разделить всеобщее восхищение со свойственной ей энергичной восторженностью. Его внешность и манеры были такими же, какими она мысленно наделяла героя своего романа, а то, как он без лишних церемоний отнес ее в дом, по ее мнению, говорило вовсе не о вольности,

а о смелости духа. Буквально все связанное с неожиданным знакомым было исполнено глубочайшего интереса. Его имя было необыкновенно благозвучно, жил он в самой любимой ею окрестной деревушке. К тому же ему необычайно шла охотничья куртка. В общем, фантазия Марианны работала без устали, мысли были удивительно приятными, и полученная травма была благополучно позабыта. Очень скоро бартонский коттедж посетил сэр Джон, ему только пришлось дождаться затишья, позволившего выйти из дома. Миссис Дэшвуд тотчас поведала ему о происшествии с Марианной и с волнением задала вопрос, известен ли ему человек по фамилии Уиллоби из Алленхейма.

– Уиллоби! – воскликнул сэр Джон. – Неужели он здесь? Это прекрасная новость. Я завтра же заеду к нему и приглашу пообедать.

– Так вы его знаете? – спросила миссис Дэшвуд.

– Знаю ли его? Конечно знаю! Да он приезжает сюда каждый год.

– А что он за человек?

– Лучше не найти, уверяю вас! Прекрасный стрелок и лучший наездник во всей Англии.

– И это все, что вы можете о нем сказать?! – негодующе воскликнула Марианна. – А как он ведет себя в обществе? Чем он занимается? Чем интересуется? Каковы его увлечения?

Сэр Джон оказался в тупике.

– Поверьте, я не знаю ничего об этом, – сказал он. – Но он добрый и веселый парень, а пойнтера лучше его черной суки я не видел. А она была сегодня с ним?

Но Марианна могла описать сэру Джону собаку не лучше, чем он ей ее хозяина.

– Но кто он? – спросила Элинор. – Откуда он?

У него есть в Алленхейме собственный дом?

Это сэр Джон знал и рассказал, что у Уиллоби нет здесь собственного дома, а приезжает он погостить у пожилой хозяйки Алленхейм-Корта, так как является ее родственником и наследником поместья.

– Да, да, – продолжил сэр Джон, – он вполне стоит того, чтобы его заарканить, уж поверьте мне, мисс Дэшвуд. И у него есть симпатичное маленькое поместье в Сомерсетшире. И будь я на вашем месте, я не отдал бы его своей младшей сестренке, как бы она ни падала в горах. Мисс Марианна не должна думать, что все кавалеры достанутся ей. Брэндон будет ревновать, если она не будет осторожна.

– Я не верю, – сказала миссис Дэшвуд с улыбкой, – что мистер Уиллоби может волноваться, что мои дочери будут пытаться, как вы выразились, заарканить его. Они были воспитаны по-другому. Мужчины с нами в безопасности, даже очень богатые. Но я рада узнать, что он благородный молодой человек и знакомство с ним нам только на пользу.

– Отличный парень, таких, как он, днем с огнем не сыщешь, – повторил сэр Джон. – Помню, в прошлое Рождество, на маленьком музыкальном вечере в парке, он танцевал с восьми часов вечера до четырех утра, так ни разу и не присев.

– Неужели?! – воскликнула Марианна, глаза ее загорелись. – И разумеется, грациозно, отдавая всю душу танцу?

– Именно, а в восемь утра уже встал, чтобы поохотиться.

– Это мне нравится, именно таким должен быть молодой человек! Чем бы он ни занимался, страсть в нем не должна гаснуть, он не должен знать, что такое усталость!

– Понимаю, понимаю, – сказал сэр Джон, – вы начнете на него охотиться, а про бедного Брэндона забудете.

– Не выношу подобных выражений, – возразила Марианна. – Эту вульгарность, которую принимают за остроумие, терпеть не могу. А «охотиться» и «покорять» – самые из них неприятные. Они весьма невзыскательны и грубы, а если когда-то и казались остроумными, то это время давно прошло.

Сэр Джон не совсем понял горячую отповедь Марианны, но от всей души рассмеялся, словно понял все, причем услышанное его немало позабавило, и ответил:

– Уж с тем, чтобы покорять, у вас проблем не будет. Бедный Брэндон! Он уже у ваших ног, а он стоит того, чтобы обратить на него внимание, уж поверьте мне! Несмотря на все ваши падения в горах и травмированные лодыжки.

Глава 10

Спаситель Марианны, как красиво, но не вполне точно описала Уиллоби Маргарет, пришел на следующее утро, чтобы поинтересоваться состоянием здоровья Марианны. Миссис Дэшвуд приняла его не просто вежливо, но искренне была рада его приходу, эта сердечность появилась благодаря рассказу сэра Джона о нем и чувству благодарности, которое жило в ее душе. Этот визит должен был убедить нового знакомого, что в семье, с которой его свел случай, царят благовоспитанность, изысканность, тесная привязанность и что они очень любят домашний комфорт. В том, что они очаровательны, его не требовалось убеждать дважды.

У мисс Дэшвуд был нежный цвет лица, правильные черты и стройная фигура. Марианна же была еще красивее. Может быть, ее фигура была не такая красивая, но рост придавал ей грациозность. Ее лицо было таким милым и прелестным, что те, кто называл ее красавицей, не грешили против истины. Ее смуглая кожа казалась восхитительной благодаря своей прозрачности, черты лица обвораживали, улыбка притягивала. А ее темные глаза были такими удивительно живыми, одухотворенными и глубокими, что в них нельзя было смотреть без восхищения. От Уиллоби вначале их блеск был скрыт смущением, вызванным воспоминанием о его помощи, но, когда оно прошло, когда она смогла взять себя в руки, она заметила, что его хорошее воспитание сочетается с искренностью и жизнерадостностью. А когда он сообщил, что любит музыку и танцы, она посмотрела на него с таким одобрением, что до конца визита он не сводил с нее глаз.

Чтобы вовлечь ее в разговор, достаточно было упомянуть о каком-либо ее увлечении. В таких случаях она не могла промолчать и активно включалась в обсуждение, забыв о стеснительности и робости. Они быстро обнаружили, что музыка и танцы доставляли им одинаковое наслаждение, причем это происходило из-за общности их суждений. Воодушевленная таким совпадением, Марианна решила выяснить его мнение и по другим интересующим ее вопросам. Она начала расспрашивать его о книгах, рассказала о своих любимых авторах, причем с таким искренним восторгом, что любой молодой человек двадцати пяти лет показался бы совершенно бесчувственным, если бы немедленно не превратился в их горячего поклонника, даже если бы он раньше об этих авторах никогда не слышал. Но их вкусы были удивительно схожими, и их приводили в восторг одни и те же книги и даже одни и те же отрывки из них. Если же обнаруживались какие-нибудь разногласия, то Марианна горячо бросалась на защиту своего мнения, причем ее собеседник всегда вынужден был отступать под напором ее аргументов и пламени ее глаз. Он немедленно соглашался с ее решениями, всячески поддерживал ее бьющий через край энтузиазм, и задолго до того, как его визит подошел к концу, они уже беседовали свободно и раскованно, как старые знакомые.

– Ну что ж, Марианна, – сказала Элинор, как только за гостем закрылась дверь, – за одно утро ты успела очень много. Тебе уже известно мнение мистера Уиллоби по любому мало-мальски важному вопросу, ты в точности знаешь, что он думает о Купере и Скотте, ты убедилась, что он воздает этим авторам по заслугам, ты получила все возможные заверения, что он в должной мере восхищается Поупом. Но как же ты намерена продолжать ваше знакомство сколь бы то ни было долго, если будешь обсуждать все сразу и так быстро? Скоро все интересные темы окажутся исчерпанными. При следующей встрече он изложит тебе свои мысли о красотах пейзажей и о вторых браках, больше тебе не о чем будет его спрашивать.

– Элинор, – воскликнула Марианна, – разве это честно?! Разве справедливо? Разве мои идеи столь убоги? Но я поняла, о чем ты. Я вела себя слишком непринужденно, говорила искренне и была слишком счастлива. Я нарушила все правила приличия. Я была открытой и искренней, а не сдержанной, скрытной, скучной и лживой. Если бы я говорила только о погоде и дорогах, открывая рот каждые десять минут, то мне не пришлось бы сейчас выслушивать ваши упреки.

– Милая моя! – сказала ее мать. – Ты не должна обижаться на Элинор, она ведь просто пошутила. Я бы сама отругала ее, если бы она на самом деле пыталась

осудить радость от разговора с нашим новым другом.

Марианна мгновенно успокоилась.

Со своей стороны Уиллоби всем своим видом показывал, как приятно ему это новое знакомство и как хотел бы он его продолжить. Он навещал их каждый день. Вначале предлогом для визитов было желание узнать о состоянии здоровья Марианны, но прием, который ему оказывали, становился с каждым разом все ласковее, и потому предлог перестал ему требоваться намного раньше, чем пострадавшая полностью выздоровела. Она не могла покидать дом в течение нескольких дней, но еще ни разу подобное заключение не было столь приятным. Уиллоби обладал неплохими способностями, прекрасным воображением, хорошим чувством юмора и всегда был искренним и непринужденным. Он как будто был создан для того, чтобы покорить сердце Марианны. К привлекательной внешности прибавлялся живой и пытливый от природы ум, причем эти качества Марианна подпитывала своей энергией и сама же ими восхищалась.

Его общество доставляло ей огромное наслаждение. Они читали, разговаривали, пели дуэтом. Пел и играл он превосходно, а читал с таким чувством и так выразительно, что Эдвард мог ему только позавидовать.

Миссис Дэшвуд он нравился не меньше, чем Марианне, а Элинор не могла упрекнуть его ни в чем, кроме одного. Он, как и ее сестра, также по каждому поводу выражал свое собственное мнение, не обращая внимания на окружающих и на обстоятельства. Привычка поспешно формировать и немедленно высказывать во всеуслышание свое мнение о других людях, при этом пренебрегая общепринятыми правилами вежливости и нормами поведения в обществе ради велений сердца, выдавала некоторую легкомысленную неосторожность, которую Элинор не могла одобрить несмотря ни на что.

Марианна начала понимать, что отчаяние, которое завладело ею в шестнадцать с половиной лет из-за того, что она до сих пор не встретила человека, который бы соответствовал ее идеалам, было поспешным. Уиллоби воплощал в себе все черты, которые в тот несчастливый час, как, впрочем, и в более счастливые периоды ее жизни, представлялись ей обязательными для ее воображаемого принца. А его поведение свидетельствовало о серьезности его намерений. Миссис Дэшвуд уже к концу первой недели начала с надеждой ожидать будущей свадьбы, при этом она вовсе не думала о богатстве молодого человека

и втайне поздравляла себя с такими двумя зятьями, как Эдвард и Уиллоби.

Страсть полковника Брэндона к Марианне, которая была открытием его друзей, узнавших об этом чувстве, казалось, раньше, чем сам полковник, теперь стала заметной и для Элинор, причем как раз в тот момент, когда друзья полковника переключились на другой предмет. Теперь их внимание и остроумие привлек счастливый соперник, и насмешки, которые сыпались на полковника, пока в его душе еще не сформировалось глубокое чувство, прекратились, как только для них действительно появились серьезные основания. Элинор пришлось признать, хотя и неохотно, что чувства, которые миссис Дженнингс приписывала ему ради собственного удовлетворения, имеют место в действительности. Понятно, что общность интересов явилась чрезвычайно привлекательной для Уиллоби, но вместе с тем поразительное несходство характеров вовсе не оттолкнуло Брэндона. Элинор это беспокоило: что могли сделать молчаливые тридцать пять лет против сильных двадцати пяти? Она не могла пожелать ему успеха и потому желала равнодушия. Полковник нравился ей, несмотря на его постоянную замкнутость и сдержанность, которые его не портили и даже вызывали в ней интерес. Его манеры поведения были серьезными, но мягкими, а сдержанность была результатом каких-то душевных травм, а не природным качеством. Сэр Джон постоянно намекал на частые разочарования полковника в прошлом, и это только подтверждало ее мнение о нем как о несчастном человеке, и она относилась к нему с уважением и состраданием.

Возможно, уважение и сострадание появились от пренебрежительного отношения к нему Уиллоби и Марианны, которые относились к нему столь предвзято из-за того, что он был не молод и не весел, и которые просто не ценили его достоинств.

– Брэндон просто такой человек, – однажды сказал Уиллоби, когда речь зашла о полковнике, – о котором всегда говорят хорошо, но чьего общества никогда не ищут, которого все рады видеть, но с кем часто забывают побеседовать.

– Как раз таким он мне и представляется! – воскликнула Марианна.

– Ну и чем вы оба хвастаетесь, своей несправедливостью к нему? – сказала Элинор. – Его уважают все в Бартон-Парке, и я никогда не упущу возможности поговорить с ним.

– Ваше снисходительное отношение к нему, – ответил Уиллоби, – явно свидетельствует в его пользу, но что касается уважительного отношения соседей, то это как раз чести ему не делает. Кто же станет терпеть унижение, радуясь одобрению таких женщин, как леди Мидлтон и миссис Дженнингс, которые могут повелевать настроением общества?

– Но, возможно, оскорбления, наносимые такими людьми, как вы и Марианна, компенсируют уважение леди Мидлтон и ее матери. Если их похвала – это осуждение, то ваши упреки вполне могут быть похвалой. И они не более непрозорливы, чем вы предвзяты и несправедливы.

– В защиту вашего протеже вы становитесь весьма язвительной.

– Мой протеже, как вы изволили выразиться, разумный человек, а ум всегда был и остается для меня привлекательным. Да, Марианна, даже если человек уже разменял четвертый десяток. Он повидал мир, был за границей, много читал и, в отличие от многих, умеет думать. Он поведал мне немало интереснейшей информации по самым разным темам и всегда отвечал на мои вопросы с готовностью и очень любезно.

– Ну конечно, – скривилась Марианна, – он рассказал тебе, что в Вест-Индии жаркий климат и полчища москитов.

– Не сомневаюсь, что он непременно рассказал бы мне это, если бы я спросила. Но получилось так, что это я и без него знала.

– Возможно, – вмешался Уиллоби, – его наблюдательности хватило еще и на то, что он заметил существование набобов и паланкинов.

– Осмелюсь заметить, что его наблюдательность простирается значительно дальше, чем ваша язвительность. Почему вы его так не любите?

– Что вы, вовсе нет. Я, право, считаю его почтенным человеком, которого все хвалят, но никто не замечает, у которого значительно больше денег, чем он может потратить, столько времени, что он не знает, как им распорядиться, да еще и по два новых костюма каждый год.

– Добавьте к этому, – воскликнула Марианна, – что у него нет ни талантов, ни вкуса, ни решительности! Его ум лишен остроты, чувства – пылкости, а голос – выразительности.

– Вы наградили его таким количеством недостатков, – возразила Элинор, – что мне кажется, у вас непомерно развито воображение. В сравнении с этим мои похвалы могут показаться холодными и незначительными. Я могу только повторить, что он разумный, хорошо воспитанный и прекрасно образованный человек с благородными манерами и, мне кажется, добрым сердцем.

– Мисс Дэшвуд, – вскричал Уиллоби, – вы поступаете со мной жестоко! Вы стараетесь переубедить меня, опираясь исключительно на доводы рассудка, но, смею вас заверить, у вас ничего не получится. Вашему искусству убеждения я могу противопоставить равное ему упрямство. У меня есть как минимум три причины не любить полковника Брэндона. Во-первых, он пригрозил мне дождем, когда мне хотелось, чтобы была ясная погода. Во-вторых, ему не понравились сиденья в моей коляске, а в-третьих, я никак не могу заставить его купить мою гнедую кобылу. Однако если вам доставит удовольствие услышать, что во всех остальных отношениях считаю его личностью безупречной, то я готов это признать немедленно. А вы, в ответ на это признание, которое далось мне весьма нелегко, уж позвольте мне недолюбливать его так же, как и раньше.

Глава 11

Миссис Дэшвуд и ее дочери, когда приехали в Девоншир, даже не могли вообразить, что они практически никогда не будут находиться в одиночестве и что постоянные гости и частые приглашения погостить где-нибудь оставят им так мало времени на серьезные занятия. Но именно так и произошло. Когда Марианна выздоровела, сэр Джон решил привести в исполнение свой план развлечений для всей семьи как на свежем воздухе, так и дома. Начались танцевальные вечера в Бартон-Парке, а вечеринки на воде устраивались так часто, как позволяла дождливая октябрьская погода. Уиллоби посещал каждый подобный бал, а легкость этих вечеров и их некоторая фамильярность только способствовали укреплению дружбы между ним и Дэшвудами и давали ему возможность воочию убедиться в исключительных достоинствах Марианны. Он выражал ей свое восхищение, а в ее поведении пытался обнаружить

свидетельство ее расположения к нему.

Их взаимная привязанность не могла не удивить Элинор. Она только хотела, чтобы они не показывали ее столь открыто, и раз или два пыталась убедить Марианну, что некоторая сдержанность пришлась бы очень кстати. Но Марианна не любила скрытность и потому всегда была откровенна, а стремление сдержать чувства, которые нельзя назвать предосудительными, было бы пустой тратой сил и уступкой банальным и ошибочным понятиям. Уиллоби разделял ее мнение, и их поведение было прямым доказательством их убеждений.

В его присутствии она не сводила с него глаз. Все, что он делал, было правильно. Все, что он говорил, он говорил с умом. Если вечер в Бартон-Парке завершался картами, то он делал так, чтобы она выиграла, пусть и в ущерб всем остальным. Если же танцы были главным развлечением вечера, то они танцевали вместе половину из них, а остальное время стояли рядом и говорили только между собой. Разумеется, подобное поведение вызывало у окружающих только смех, но стыдно им не стало, казалось, что они этого просто не замечают.

Миссис Дэшвуд слишком симпатизировала им, чтобы попытаться умерить их столь открытое выражение чувств. Для нее это было естественное последствие сильной привязанности пылких юных душ.

Для Марианны настала счастливая пора: ее сердце принадлежало Уиллоби, и удовольствие от его общества постепенно изгладило из ее памяти нежную привязанность к Норленду, которую она привезла с собой из Суссекса.

У Элинор не было повода для такого же безоблачного счастья, на сердце у нее не было легко, а развлечения вовсе не приносили ожидаемой радости. Они не могли заменить ей то, что осталось в прошлом, как не могли и заставить думать о Норленде без грусти. Ни леди Мидлтон, ни миссис Дженнингс не были умными и приятными собеседницами, которых ей так не хватало, хотя последняя была невероятно болтлива и с первого взгляда начала испытывать к Элинор расположение. Она уже три или четыре раза рассказала Элинор историю своей жизни, и если бы Элинор запоминала все нюансы, то она еще в самом начале знакомства знала бы все подробности последней болезни мистера Дженнингса, а также те слова, которые он произнес за несколько минут до кончины. Элинор относилась с большей приязнью к леди Мидлтон, но только потому, что чаще молчала. Элинор не потребовалось особой наблюдательности, чтобы убедиться, что ее сдержанность была признаком спокойствия и некоторой вялости, но не

ума. К мужу и матери она относилась так же, как к гостям, поэтому дружеской близости с ней не приходилось ни искать, ни желать. Сегодня она могла сказать только то, что уже говорила вчера, ничего нового. Она была пресна и скучна, даже ее настроение никогда не менялось. И хотя она не возражала против приемов, которые устраивал ее муж, конечно, при условии, что правила хорошего тона будут неукоснительно соблюдаться и двое ее старших сыновей останутся при ней, но от этих вечеров она получала удовольствия не больше, чем от сидения дома в одиночестве. Ее присутствие тоже не доставляло радости гостям. Она почти не принимала участия в беседе, и часто о ней вспоминали лишь тогда, когда она начинала успокаивать своих шаловливых мальчишек.

Полковник Брэндон явился приятным исключением из всех новых знакомых Элинор. Она нашла в нем человека, обладающего определенными талантами, способного вызвать дружеский интерес и быть приятным спутником. Вопрос об Уиллоби даже не поднимался. Он внушал ей уважение, теплые сестринские чувства, но он был влюблен, а значит, все свое внимание уделял Марианне. Поэтому временами казалось, что со значительно менее приятными людьми было бы интереснее общаться, чем с ним. На свою беду, полковник Брэндон не имел повода думать об одной только Марианне и в разговорах с Элинор находил великое утешение от полного безразличия ее сестры. Сочувствие Элинор к полковнику возросло еще больше, когда у нее появилась причина подозревать, что муки несчастной любви ему уже знакомы. Это подозрение возникло из-за случайно оброненных слов на одном из вечеров в Бартон-Парке. Они сидели и мирно беседовали в то время, как остальные танцевали. Полковник несколько минут не сводил глаз с Марианны, потом вздохнул и со слабой улыбкой проговорил:

– Ваша сестра, насколько я понимаю, не одобряет вторые привязанности.

– Нет, – ответила Элинор, – она ведь необыкновенно романтична.

– Или, как мне кажется, она не верит в возможность их существования.

– Думаю, что да. Но как ей удается примирить подобные убеждения с тем фактом, что ее собственный отец был женат дважды, я не могу объяснить. Но полагаю, что через несколько лет она, несомненно, смягчится и станет выносить свои суждения, опираясь на здравый смысл и наблюдения. Тогда они определенно станут более трезвыми и ясными, причем не только для нее самой, но и для окружающих.

– Скорее всего, так и будет, – сказал полковник. – И все же в предубеждениях юного ума есть некая необъяснимая прелесть, поэтому, когда они со временем уступают место здравому смыслу, невольно испытываешь сожаления.

– Я не могу согласиться с вами, – возразила Элинор, – чувства подобные тем, что испытывает Марианна, чреваты множеством неудобств и даже некоторой опасностью. Никакая искренность, наивность или неопытность искупить этого не может. Она вечно пренебрегает правилами приличия. Я очень жду, когда она лучше узнает жизнь, поскольку это принесет ей одну только пользу.

После короткой паузы полковник снова заговорил:

– Ваша сестра безоговорочно отрицает возможность второй привязанности, не делая никаких различий? Она считает ее одинаково преступной для всех? Получается, что те люди, на долю которых выпало разочарование в своем первом выборе, из-за непостоянства ли предмета привязанности или из-за неудачно сложившихся обстоятельств, должны оставаться равно безразличными ко всему до конца своих дней?

– Откровенно говоря, все тонкости, касающиеся ее принципов, мне неизвестны. Я только знаю, что никогда не слышала, чтобы она признавала хотя бы один случай второй привязанности извинительным.

– Это не может продолжаться долго, – сказал он. – Но перемена… Полная перемена привычных убеждений… Нет, нет, не стоит ей этого желать! Ведь когда юному уму приходится отказываться от возвышенного романтизма, очень часто им овладевают мнения очень распространенные и опасные. Я сужу по собственному опыту. Когда-то я знал юную даму, которая и темпераментом, и складом ума была очень похожа на вашу сестру. Она думала как ваша сестра и судила о самых разных вещах тоже подобно ей, но затем пришло время насильственной перемены, да к тому же так сложились обстоятельства… – Тут он внезапно замолчал, очевидно решив, что сказал слишком много.

Именно тогда у Элинор возникли подозрения. Она, вероятнее всего, не обратила бы внимания на его слова, если бы не увидела, как он сожалеет, что они сорвались с его губ. И тут уже не нужно было обладать особой фантазией, чтобы связать его волнения с грустными воспоминаниями о прошлом. Дальше рассуждать Элинор не стала. А вот Марианна на ее месте не удовольствовалась

бы малым. Ее живое воображение незамедлительно нарисовало бы ей печальные события истории о трагической любви.

Глава 12

На следующее утро во время прогулки Марианна сообщила сестре новость, которая, несмотря на то что опрометчивость и порывистость Марианны ни для кого не являлись секретом, неприятно удивила Элинор, поскольку явилась слишком уж экстравагантным подтверждением этих качеств. Приплясывая от восторга, Марианна поведала, что Уиллоби подарил ей лошадь, которую сам вырастил в сомерсетширском поместье. Она была специально приучена к дамскому седлу. Марианна ни на минуту не задумывалась о том, что ее мать вовсе не собиралась держать лошадь. Если же из-за этого подарка она будет вынуждена изменить решение, ей придется нанять лакея и купить для него лошадь, а затем и построить конюшню для этих двух лошадей. Марианна же приняла подарок без всяких колебаний и рассказала о нем сестре, захлебываясь от счастья.

– Он намерен сегодня же отправить своего грума в Сомерсетшир за ней, – добавила она, – а когда лошадь прибудет, мы будем каждый день ездить верхом. Ты, конечно, тоже сможешь кататься, Элинор. Ты только представь себе, какое наслаждение скакать галопом по нашим просторам.

Она никак не желала пробудиться от блаженных грез и понять, сколько неприятностей сопряжено с этой затеей. Что такое еще один слуга? Пустячный расход. Да и мама ничего не будет иметь против. Кстати, для слуги подойдет любая кляча. Да и покупать ее не обязательно, всегда можно взять какую-нибудь захудалую лошаденку в Бартон-Парке. Какие конюшни? Достаточно самого простого сарая. Устав спорить, Элинор решилась выразить сомнения, прилично ли ей принимать подобный подарок от человека, с которым она так мало, ну или, во всяком случае, так недолго знакома. Марианна решила, что это уже слишком.

– Ты ошибаешься, Элинор, – возразила Марианна, – если считаешь, что я плохо знаю Уиллоби. Да, я недолго с ним знакома, но нет в мире человека, разумеется кроме тебя и мамы, кого бы я знала так хорошо. Не время и не обстоятельства

определяют близость между людьми, а общность характеров. Некоторые люди могут знать друг друга в течение семи лет, но так и не научиться понимать друг друга, а некоторым и семи дней будет достаточно. Я бы чувствовала себя гораздо больше виноватой, если бы приняла в подарок лошадь от брата, а не от Уиллоби. Джона я знаю очень плохо, несмотря на то что мы прожили рядом много лет, а об Уиллоби у меня составилось мнение уже давно.

Элинор, зная о характере своей сестры, решила больше не затрагивать эту тему. Возражения по этому поводу только усилят ее уверенность в собственной правоте. Но обращение к ее привязанности к матери, представление всех неудобств, на которые должна будет пойти мама, если – что вполне вероятно – она согласится на подобное увеличение их домашнего хозяйства… После этого Марианна сдалась и обещала ничего не говорить матери, чтобы не подвергать ту искушению совершить добрый, но абсолютно неблагоразумный поступок.

Она была верна своему слову, и в тот же день, когда Уиллоби пришел их навестить, Элинор услышала, как ее сестра выражает свое глубокое сожаление, что не может принять его подарок. Затем она объяснила причины, из-за которых вынуждена была поменять свои намерения, и они были таковы, что не давали ему возможность настаивать и упрашивать. Но его разочарование было очевидным и казалось совершенно искренним, и, выразив свое огорчение, он тихо добавил:

– Лошадь по-прежнему принадлежит вам, Марианна, несмотря на то что вы не можете сейчас на ней ездить. Она останется у меня до тех пор, пока вы ее не потребуете. До того времени, как вы покинете Бартон и будете жить в своем собственном доме, Королева Мэб будет вас ждать.

Вот что услышала мисс Дэшвуд. Эти слова, а также тон, которым они были произнесены, равно как и обращение к сестре просто по имени – все недвусмысленно указывало на то, что между этими людьми существуют особые отношения. С этой минуты Элинор уже не сомневалась, что они помолвлены. Это открытие ее нисколько не удивило, разве что она слегка недоумевала, почему эти столь откровенные натуры не рассказали обо всем прямо.

На следующий день Маргарет рассказала ей нечто усилившее ее уверенность. Накануне Уиллоби провел у них весь вечер, и Маргарет некоторое время оставалась с влюбленной парой в гостиной одна, таким образом, у нее было время сделать кое-какие наблюдения, которыми она, напустив на себя важный

вид, поделилась с сестрой.

– Ах, Элинор, – воскликнула она, – я тебе такое расскажу про Марианну! Я уверена, они с мистером Уиллоби очень скоро поженятся.

– Ты это говорила, – ответила Элинор, – почти каждый день с тех пор, как они познакомились. По-моему, они еще и недели не были знакомы, когда ты известила нас, что Марианна носит на шее медальон с его портретом. Правда, при ближайшем рассмотрении в медальоне оказался портрет нашего двоюродного деда.

– Но сейчас совсем другое дело. Я не сомневаюсь, что они вот-вот поженятся. У него даже есть ее локон.

– Будь осторожнее, Маргарет. Локон вполне может принадлежать его двоюродному деду.

– Нет, Элинор, я точно знаю, что локон Марианны. Я не могу ошибиться, потому что я видела, как он его отрезал. Вчера вечером после чая, когда вы с мамой вышли из комнаты, они начали друг с другом шептаться. Мне показалось, что он ее о чем-то упрашивал, потом взял ножницы и отрезал длинную прядь. У нее ведь волосы были распущены по плечам. Потом он поцеловал локон, аккуратно завернул его в белую бумагу и положил в карман.

Столь уверенное перечисление подробностей не могло не убедить Элинор, к тому же она лишь получила лишнее подтверждение тому, что видела и слышала сама.

Проницательность Маргарет временами чрезвычайно досаждала ее сестре. Однажды, когда миссис Дженнингс принялась самым настойчивым образом требовать, чтобы она назвала имя молодого человека, пользующегося расположением Элинор, миссис Дженнингс просто умирала от желания это узнать, Маргарет взглянула на сестру и проговорила:

– Я ведь не должна его называть, не так ли, Элинор?

Разумеется, все рассмеялись, и Элинор тоже заставила себя улыбнуться. Однако удалось ей это с трудом. Она не сомневалась, что Маргарет имеет в виду вполне конкретного человека, и чувствовала, что не вынесет назойливых шуточек миссис Дженнингс над ним.

Марианна всем сердцем сочувствовала сестре, но лишь ухудшила положение, когда отчаянно покраснела и сердито сказала Маргарет:

– Запомни, каковы бы ни были твои догадки, ты не имеешь никакого права высказывать их вслух.

– Да нет у меня никаких догадок, – возмутилась Маргарет, – ты ведь мне сама об этом сказала.

Компания оживилась, и Маргарет подверглась настойчивому допросу.

– Ради бога, мисс Маргарет, расскажите нам скорее обо всем! – воскликнула миссис Дженнингс.

– Я не должна, мэм, но я его хорошо знаю, даже знаю, где он живет.

– Ну, где он живет, мы можем догадаться. В собственном доме в Норленде, как же иначе. По всей видимости, он приходской священник.

– А вот и нет. У него пока нет никакой профессии.

– Маргарет, – вмешалась Марианна, – ты же отлично знаешь, что сама все это придумала и такого человека не существует.

– Ну, значит, он недавно отдал Богу душу, Марианна, потому что я точно знаю, что раньше он существовал, а фамилия его начинается на букву «Ф».

В этот момент Элинор испытала горячую и искреннюю признательность к леди Мидлтон, которая громко высказала свое тонкое наблюдение о том, что «погода стоит очень дождливая». Хотя мисс Дэшвуд прекрасно понимала, что ее милость вмешалась в разговор отнюдь не ради спокойствия своей гостьи, но лишь потому, что не выносила несветские насмешки, которые так любили ее матушка

и супруг. Полковник Брэндон с присущей ему деликатностью поддержал предложенную тему для беседы, и в течение следующих нескольких минут они оба с интересом рассуждали о дожде. Затем Уиллоби открыл фортепьяно и попросил Марианну сыграть. Таким образом, старания разных людей увести разговор в сторону увенчались успехом, и неприятная тема была позабыта. Но Элинор еще долго не могла прийти в себя от чувства тревоги, которое она в ней пробудила.

На следующий день общество собралось отправиться осмотреть великолепное имение в двенадцати милях от Бартона, принадлежащее родственнику полковника Брэндона. Причем без участия последнего экскурсия не могла состояться, потому что владелец, находившийся в то время за границей, отдал строгое распоряжение не пускать в дом посторонних. Тамошние места славились удивительной красотой, а сэр Джон, который их так горячо расхваливал, вполне мог считаться надежным судьей, потому что возил туда своих гостей по меньшей мере дважды каждое лето на протяжении последних десяти лет. Там было довольно большое озеро, а значит, утро можно было посвятить прогулке на лодках. В путь надо было отправляться пораньше в открытых экипажах, прихватив с собой достаточное количество холодных закусок, и можно не сомневаться, что пикник удастся на славу.

Кое-кто из присутствующих счел этот план несколько не соответствующим времени года, тем более что на протяжении последних двух недель каждый день шел дождь. Миссис Дэшвуд уже была немного простужена, и Элинор убедила ее остаться дома.

Глава 13

В предполагаемой поездке в Уайтвелл Элинор готовилась промокнуть, утомиться, испугаться, но оказалось все гораздо хуже: они вообще никуда не поехали.

В десять часов вся компания собралась в Бартон-Парке, чтобы позавтракать там. Утро было довольно приятное. Несмотря на то что всю ночь шел дождь, тучи рассеялись, и даже изредка выглядывало солнышко. Все были в хорошем настроении и решили вопреки всем лишениям и неприятным неожиданностям

сохранять бодрость духа.

Во время завтрака принесли почту. Одно из писем было адресовано полковнику Брэндону. Он взял конверт, взглянул на надпись на нем, переменился в лице и сразу же покинул комнату.

– Что случилось с Брэндоном? – спросил сэр Джон.

Никто не мог ответить.

– Надеюсь, что он не получил никаких плохих известий, – сказала леди Мидлтон. – Только что-то экстраординарное могло заставить полковника Брэндона покинуть стол так поспешно.

Минут через пять он вернулся.

– Надеюсь, вы не получили дурных новостей, полковник? – спросила миссис Дженнингс, как только он вошел в комнату.

– Нет, мадам. Благодарю вас.

– Письмо из Авиньона? Надеюсь, вашей сестре не стало хуже?

– Нет, мадам. Оно пришло из города. Это просто деловое письмо.

– Но что могло вас так расстроить в обычном деловом письме? Нет, так не пойдет, полковник, расскажите нам правду.

– Сударыня, – вмешалась леди Мидлтон, – подумайте, что вы говорите!

– Может быть, в письме сообщается, что ваша кузина Фанни вышла замуж? – спросила миссис Дженнингс, не обращая внимания на упрек дочери.

– Нет, в самом деле, нет.

– Ну, тогда я знаю, от кого оно, полковник. И я надеюсь, что она здорова.

– О ком вы говорите, мадам? – спросил полковник, слегка покраснев.

– О, вы знаете, о ком я.

– Я очень сожалею, сударыня, – сказал он, обращаясь к леди Мидлтон, – что получил это письмо именно сегодня, так как оно связано с делом, требующим моего присутствия в городе.

– В городе?! – вскричала миссис Дженнингс. – Что вам могло понадобиться в городе в это время года?

– Я глубоко сожалею, – продолжил он, – что должен вас покинуть сейчас и отказаться от столь приятной экскурсии. Тем более что без меня, боюсь, для вас доступ в Уайтвелл закрыт.

Какой удар для них всех!

– А если вы напишете записку экономке, – огорченно поинтересовалась Марианна, – разве этого не будет достаточно?

Он покачал головой.

– Мы должны ехать, – заявил сэр Джон, – мы не должны откладывать поездку, когда уже почти все готово. Вы не поедете в город сегодня, Брэндон, и точка.

– Мне бы очень хотелось, чтобы все было так просто. Но не в моей власти отложить поездку на день.

– Если бы вы хотя бы объяснили нам, в чем состоит ваше дело, – сказала миссис Дженнингс, – то мы могли бы сами судить, возможно его отложить или нет.

– Вы задержитесь только на шесть часов, – сказал Уиллоби, – если отложите свое дело до нашего возвращения.

– Я не могу себе позволить потерять даже час.

В это время Элинор услышала, как Уиллоби сказал Марианне шепотом:

– Есть люди, которые не слишком приятны в общении, и Брэндон один из них. Он испугался подхватить простуду и придумал этот трюк, чтобы не ездить. Я могу поставить пятьдесят гиней на то, что это письмо написано им самим.

– Нисколько в этом не сомневаюсь, – ответила Марианна.

– Мне давно известно, что нет смысла пытаться переубедить вас, Брэндон, вы все равно не поменяете своего мнения, – сказал сэр Джон. – Однако подумайте! Две мисс Кэри приехали из Ньютона, три мисс Дэшвуд пришли из коттеджа, и мистер Уиллоби встал на два часа раньше, чем обычно, – и все для того, чтобы попасть в Уайтвелл.

Полковник Брэндон снова повторил, как он сожалеет, что стал причиной того, что пикник не удался, но, к сожалению, выбора у него нет.

– Ну а когда же вы вернетесь?

– Надеюсь увидеть вас в Бартоне, – сказала ее милость, – после того, как вы покинете город. А поездку в Уайтвелл отложим до вашего возвращения.

– Вы очень любезны. Но пока неизвестно, когда я смогу вернуться, а потому я не могу ничего обещать.

– О, он должен вернуться и обязательно вернется! – воскликнул сэр Джон. – А если он не вернется к концу недели, то я отправлюсь за ним.

– Обязательно так и поступите, сэр Джон, – сказала миссис Дженнингс, – и, может быть, тогда вы узнаете, в чем состоит его дело.

– Я не хочу совать нос в чужие дела. Но мне кажется, речь идет о чем-то, чего он стыдится.

В это время подали лошадей полковника Брэндона.

– Вы ведь не собираетесь ехать в город верхом, не так ли? – поинтересовался сэр Джон.

– Нет, только до Хонитона, а там я пересяду в почтовую карету.

– Ну, раз вы все-таки не передумали ехать, то счастливого вам пути. Но, по-моему, вам лучше передумать.

– Уверяю вас, это не в моей власти.

Затем полковник начал прощаться.

– Есть ли шанс, мисс Дэшвуд, увидеть вас и ваших сестер зимой в городе?

– Боюсь, что нет.

– В таком случае я вынужден проститься с вами на гораздо больший срок, чем мне бы хотелось.

Марианне он просто поклонился.

– Но, полковник, – сказала миссис Дженнингс, – до того как вы уедете, расскажите нам, что это все-таки за дело.

Он пожелал ей доброго утра и в сопровождении сэра Джона покинул комнату.

Сожаления и причитания вырвались наружу, когда вежливость перестала их сдерживать. Все снова и снова соглашались в том, как досадно подобное разочарование.

– Кажется, я знаю, в чем состоит его дело, – торжественно сообщила миссис Дженнингс.

– И в чем же, мадам? – спросили все почти хором.

– Я уверена, что это касается мисс Уильямс.

– А кто такая мисс Уильямс? – спросила Марианна.

– Что? Вы не знаете, кто такая мисс Уильямс? Нет, не может быть, что-то о ней вы точно слышали. Она родственница полковника, дорогая моя, очень близкая родственница. Мы не скажем, насколько близкая, чтобы не шокировать молодых девушек. – Затем, чуть понизив голос, она сказала Элинор: – Она его родная дочь.

– Неужели?

– О да. Она похожа на него как две капли воды. И смею предположить, что полковник оставит ей все свое состояние.

Вернувшись в столовую, сэр Джон присоединился к общим стенаниям насчет неудавшейся поездки, а в заключение добавил, что раз они все-таки собрались вместе, то должен быть способ провести это время приятно. После недолгого обсуждения решили, что хотя по-настоящему счастливыми в этот день они могли стать только в Уайтвелле, то поездка по окрестностям будет неплохим утешением. Приказали подать экипажи. Карета Уиллоби была первой, а Марианна выглядела счастливее некуда, когда садилась в нее. Они быстро проехали через Парк и вскоре пропали из вида. Общество же увидело их только по возвращении, причем гораздо позднее всех остальных. Они выглядели очень довольными своей поездкой, но сказали только, что кружили по переулкам, а не отправились в холмы, как остальные.

Решили вечером устроить танцы, а день провести как можно веселее. Другие члены семьи Кэри подъехали к обеду, а потому за стол село почти двадцать человек, что заметил сэр Джон с большим удовольствием. Уиллоби занял свое обычное место между двумя старшими мисс Дэшвуд, миссис Дженнингс села справа от Элинор. Еще не начали подавать яства, когда она, наклонившись за спиной Элинор и Уиллоби к Марианне, сказала достаточно громко, чтобы услышали и они:

– А я все узнала, несмотря на ваши хитрости! Я знаю, где вы провели утро.

Марианна покраснела и быстро спросила:

– И где же?

– А разве вы не знали, – поинтересовался Уиллоби, – что мы катались в моем кабриолете?

– Как же не знать, мистер бесстыдник. Знаю, и очень хорошо, и именно поэтому я решила узнать, где вы катались. Надеюсь, вам нравится ваш дом, мисс Марианна. Я знаю, он очень большой, и когда я приеду навестить вас, то вы поставите в нем новую мебель. Я была там шесть лет назад, и тогда он очень в этом нуждался.

Марианна в смущении отвернулась. Миссис Дженнингс весело рассмеялась, а Элинор поняла, что для того, чтобы узнать правду, она подослала свою горничную к груму мистера Уиллоби. Таким образом она установила, что они ездили в Алленхейм и провели там достаточно много времени, гуляя по саду и осматривая дом.

Элинор с трудом могла поверить в подобное. Она не могла даже предположить, что Уиллоби пригласил, а Марианна согласилась войти в дом, когда миссис Смит, с которой она даже не знакома, находилась там.

Как только они покинули столовую, Элинор спросила об этом Марианну, и, к величайшему ее удивлению, все, что говорила миссис Дженнингс, оказалось правдой. Марианна даже рассердилась на нее за эти сомнения.

– Почему ты думаешь, Элинор, что мы не ездили туда и не осматривали дом? Разве ты не хотела побывать там?

– Да, Марианна, но я ни за что не отправилась бы туда без ведома миссис Смит, тем более с одним мистером Уиллоби.

– Мистер Уиллоби – единственный человек, который имеет право показывать этот дом, а так как мы ехали в кабриолете, то никто третий с нами поехать не мог. Это было самое приятное утро в моей жизни.

– Боюсь, – ответила Элинор, – что приятность не всегда залог приличия.

– Напротив, другого более верного залога не найти. Если бы я переступила истинные требования приличия в том, что сделала, то постоянно бы чувствовала это. Ведь когда мы поступаем неправильно, то всегда это сознаем, а потому практически не получаем от этого удовольствие.

– Но, милая Марианна, теперь, когда тебе пришлось выслушать такие дерзкие намеки, неужто ты не усомнилась в правильности своего поступка?

– Если считать дерзкие намеки миссис Дженнингс доказательством неприличного поведения, то все мы только и делаем, что нарушаем приличия в каждый миг нашей жизни. Меня ее осуждение трогает не более чем ее похвалы. Я не чувствую, что поступила неправильно, когда согласилась погулять в саду миссис Смит и осмотреть ее дом. Со временем они будут принадлежать мистеру Уиллоби и…

– Даже если бы со временем они стали принадлежать тебе, Марианна, то все равно твоему поступку нет оправдания.

Марианна после этих слов покраснела, но было видно, что ей понравился этот намек. Минут через десять она подошла к сестре и сказала с большим удовольствием:

– Пожалуй, Элинор, было ошибкой ездить в Алленхейм, но мистер Уиллоби так хотел показать мне поместье! Уверяю тебя, дом просто очарователен. Наверху есть милая гостиная, такого размера, которую вполне можно было бы постоянно использовать. А будь она хорошо обставлена, то ничего лучше и представить себе нельзя. Это угловая комната, и окна выходят на две стороны. С одной стороны они выходят на лужайку для боулинга, которая простирается до леса. А с другой стороны видны церковь и деревня, а также холмы, те самые, которые нам так нравились. Но вид гостиной мне не понравился: мебель хуже даже представить себе нельзя, но если ее обставить заново… Уиллоби считает, что двухсот фунтов вполне хватит для того, чтобы сделать ее одной из самых очаровательных летних гостиных во всей Англии.

Если бы их не прерывали, то Элинор пришлось бы выслушать восторженное описание всех комнат в доме.

Глава 14

Внезапный отъезд полковника Брэндона, причину которого открыть он так и не пожелал, занимал мысли миссис Дженнингс еще дня два-три. Она продолжала строить всевозможные домыслы, благо фантазии ей на это хватало. Как все любопытные, жаждущие узнать все и вся о своих знакомых, она без конца прикидывала, что могло произойти, но не сомневалась, что он получил плохие новости. Она неустанно перебирала многочисленные беды, которые могли его постигнуть, абсолютно уверенная, что он не мог избежать их всех разом.

– Случилось что-то плохое, я уверена, – говорила она. – Это было видно по его лицу. Бедный! Должно быть, он находится в довольно тяжелом положении. Поместье в Делафорде никогда не приносило более двух тысяч дохода, а его брат оставил все в очень плохом состоянии. Я думаю, он был так срочно вызван из-за денежных проблем. Из-за чего же еще? Интересно, так ли это? Я бы отдала все на свете, только бы узнать правду. Но, возможно, дело касается мисс Уильямс. Я, наверное, могу так говорить, ведь недаром он столь сильно смутился, когда я упомянула ее имя. Может быть, она заболела? Вполне возможно, насколько я знаю, она никогда не обладала крепким здоровьем. Я могу поспорить на что угодно, что что-то произошло с мисс Уильямс. Вряд ли у него проблемы с деньгами: он хороший хозяин и точно уже давно освободил поместье от долгов. Интересно, что же все-таки произошло? Может, его сестре стало хуже, и она послала за ним. Вот почему он так торопился! Ну что ж, я от чистого сердца желаю ему благополучного завершения всех тревог и забот и хорошую жену.

Так думала миссис Дженнингс, меняя свое мнение каждые две минуты, и каждый вариант казался ей правдоподобнее другого. Элинор, несмотря на искреннюю заботу о полковнике Брэндоне, не могла посвящать все свое время мыслям о столь неожиданном его отъезде, как того хотелось бы миссис Дженнингс. По ее мнению, это обстоятельство не требовало столь длительного удивления и уж тем более столь тщательного обсуждения, ее мысли занимало другое. Ее удивляло молчание сестры и Уиллоби по тому поводу, который, они знали, интересовал всех. С каждым днем это молчание становилось все более интригующим и столь непохожим на их обычное поведение. Почему они не объявят открыто о том, что, судя по их поведению друг с другом, уже произошло, Элинор понять не могла.

Она легко могла допустить, что с браком придется повременить, так как, несмотря на независимость, Уиллоби нельзя было назвать богатым. Его поместье, по расчетам сэра Джона, приносило в год примерно шестьсот-семьсот фунтов. И этот доход не позволял ему жить на широкую ногу, хотя так он и делал. Именно поэтому Уиллоби часто жаловался на отсутствие денег. Но Элинор не понимала того покрова тайны, под которым они пытались скрыть факт своей помолвки, ведь этот покров ничего не прятал. Но это было так не похоже на их обычное поведение, что в душу Элинор закрадывались сомнения, произошла ли помолвка на самом деле, и эти сомнения мешали спросить Марианну прямо.

Поведение Уиллоби было лучшим доказательством его привязанности ко всей семье Дэшвуд. Марианну он окружал всей нежностью, на которую способно только любящее сердце, а с ее матерью и сестрами он держался как любящий сын и брат. Коттедж он полюбил и считал его своим вторым домом. Он проводил в нем гораздо больше времени, чем в Алленхейме. И если их не приглашали в Парк, то его утренняя прогулка завершалась там, где он весь оставшийся день проводил с Марианной и любимым пойнтером, который лежал у его ног.

Как-то вечером, когда после отъезда полковника Брэндона прошло около недели, он, казалось, дал волю своему чувству привязанности ко всему, что его окружало. Стоило миссис Дэшвуд упомянуть о своем намерении заняться весной перестройкой коттеджа, как он стал с жаром возражать против любых изменений дома, который ему казался верхом совершенства.

– Что?! – воскликнул он. – Вы собираетесь перестроить этот милый коттедж? Нет, ни за что, на это я никогда не соглашусь. Ни камня не будет добавлено к этим стенам, ни дюйма – к его высоте, если здесь считаются с моими чувствами.

– Не волнуйтесь, – сказала мисс Дэшвуд, – ничего подобного не произойдет, просто потому что у мамы не будет денег на такую перестройку.

– Искренне рад этому! – вскричал он. – Пусть уж она всегда будет бедна, если не может найти другого применения деньгам.

– Спасибо, Уиллоби. Но вы можете быть уверены, что я никогда не пожертвую нежностью и привязанностью, которую вы или кто-то еще, кого я люблю, испытываете к этим стенам, ради каких-либо улучшений. Поверьте, что, какая

бы сумма ни оказалась у меня после приведения в порядок счетов весной, я лучше оставлю ее без употребления, чем потрачу на то, что причинит вам боль. Но неужто вам так нравится этот домик, что вы не видите в нем никаких недостатков?

– О да, – сказал он, – для меня он прекрасен. Более того, мне кажется, что счастье возможно только в таком домике. И будь я достаточно богат, непременно снес бы Комбе и построил бы его заново точно по плану вашего коттеджа.

– С темной узкой лестницей и дымящейся плитой на кухне, я полагаю? – заметила Элинор.

– Да, – вскричал он с тем же жаром, – и с ними, и со всем, что здесь есть еще! Со всеми удобствами и неудобствами – он должен быть абсолютно таким же. Тогда и только под такой крышей я смогу быть так же счастлив в Комбе, как в Бартоне.

– Позволю себе предположить, – ответила Элинор, – что даже несмотря на более просторные комнаты и более широкую лестницу, вы найдете свой собственный дом таким же привлекательным, как и наш.

– Разумеется, есть вещи, – сказал Уиллоби, – которые могут сделать его гораздо дороже для меня. Но к вашему коттеджу у меня всегда будет особенная привязанность.

Миссис Дэшвуд с радостью посмотрела на Марианну, которая глаз не сводила с Уиллоби с выражением, которое явно свидетельствовало о том, как хорошо она его понимает.

– Как часто я мечтал, – добавил Уиллоби, – когда год тому назад был в Алленхейме, чтобы бартонский коттедж перестал пустовать. Проезжая мимо, я всегда восхищался его местоположением и очень огорчался, что в нем никто не живет. Я даже и не думал, что, когда приеду в следующий раз, первая новость, которую я услышу от миссис Смит, будет о том, что бартонский коттедж снят. Эта новость пробудила во мне такой живой интерес и острое любопытство, которое сейчас можно объяснить предчувствием счастья, которое меня ждало. Не так ли, Марианна? – спросил он, немного понижая голос. Затем продолжил тем же тоном: – И сейчас вы хотите испортить этот чудесный домик, миссис

Дэшвуд. Вы хотите украсть у него простоту ради воображаемых улучшений. Эту чудесную гостиную, где началось наше знакомство, где мы провели столько счастливых часов, вы превратите в обыкновенную переднюю, и каждый сможет пройти через комнату, которая до сих пор была гораздо уютней и удобней, чем самые величественные апартаменты, которые только есть в мире.

Миссис Дэшвуд еще раз уверила его, что о перестройке больше и речи быть не может.

– Вы хорошая женщина, – тепло сказал он. – Ваше обещание меня успокоило. Но добавьте к нему другое, и вы сделаете меня счастливейшим человеком на земле. Пообещайте мне, что не только дом останется прежним, но и вы, ваша семья, что ваше отношение ко мне останется теплым и добрым. Именно ваша доброта делает для меня столь дорогим все, что с вами связано.

Обещание было немедленно дано, и до конца вечера нельзя было усомниться в его счастье и искренних чувствах.

– Вы придете к нам завтра ужинать? – спросила Марианна, когда он начал прощаться. – Я не прошу вас прийти утром, потому что утром мы собираемся нанести визит леди Мидлтон.

Он пообещал быть у них в четыре часа.

Глава 15

Миссис Дэшвуд навестила леди Мидлтон на следующее утро вместе с двумя дочерьми. Марианна отказалась идти с ними под каким-то не слишком благовидным предлогом, а ее мать, которая не сомневалась в том, что дочь пригласила Уиллоби прийти во время их отсутствия, не слишком ее уговаривала.

По возвращении они обнаружили перед коттеджем кабриолет Уиллоби и его слугу, и миссис Дэшвуд убедилась в правильности своей догадки. Именно это она и предвидела. Но в доме она обнаружила то, что меньше всего ожидала увидеть. Едва они вошли в дом, как из гостиной вышла сильно возбужденная

Марианна, прижимая платок к глазам, и, не замечая их, взбежала наверх. Удивленные и встревоженные, они вошли в комнату, из которой только что вышла Марианна, и обнаружили там Уиллоби. Он стоял спиной к ним, прислонившись к камину. Он мгновенно обернулся, заслышав их шаги. Весь его вид говорил о том, что он испытывает те же чувства, что и Марианна.

– Что с ней?! – воскликнула миссис Дэшвуд, как только вошла. – Она заболела?

– Надеюсь, нет, – ответил он, стараясь взять себя в руки. И с вымученной улыбкой продолжил: – Заболеть должен я, так как меня постигло жестокое разочарование.

– Разочарование?

– Да. Я вынужден отказаться от вашего любезного предложения. Миссис Смит этим утром воспользовалась властью, данной богатством, над бедными, зависимыми родственниками. Она дала мне срочное поручение в Лондон. Я только что отправился в дорогу, после того как простился с Алленхеймом, а для утешения заехал проститься с вами.

– В Лондон? И вы уезжаете сегодня утром?

– Теперь же.

– Очень жаль. Но миссис Смит вы отказать не можете. Остается надеяться, что ее поручение не разлучит нас надолго.

Он покраснел, отвечая:

– Вы очень добры! Но я не смогу немедленно вернуться в Девоншир. Я навещаю миссис Смит не чаще одного раза в год.

– А разве миссис Смит – ваш единственный друг? Разве в Алленхейме ее дом единственный, где вы сможете остановиться? Постыдились бы, Уиллоби! Неужели вам нужно особое приглашение?

Он покраснел еще сильнее, потупился и только затем ответил:

– Вы слишком добры.

Миссис Дэшвуд удивленно взглянула на Элинор, которая выглядела не менее шокированной. Некоторое время все молчали. Миссис Дэшвуд заговорила первая:

– Могу лишь добавить, милый Уиллоби, что в бартонском коттедже вам всегда будут рады. Я не настаиваю на вашем немедленном возвращении, так как только вы можете судить о том, как отнеслась бы к этому миссис Смит. Я не подвергаю сомнению ни ваши намерения, ни ваши суждения.

– Мои обязательства, – пробормотал Уиллоби, – таковы, что я… боюсь… не могу тешить себя надеждой…

Он замолчал. Миссис Дэшвуд была слишком удивлена, чтобы говорить, поэтому пауза затянулась. На этот раз ее прервал Уиллоби, который сказал с легкой улыбкой:

– Мешкать неразумно. Я не буду более терзать себя, оставаясь среди друзей, общество которых мне не будет более приносить радость.

Затем он попрощался со всеми и торопливо покинул комнату. Они увидели, как он вскочил в кабриолет и спустя минуту скрылся из вида.

Миссис Дэшвуд не могла говорить от изумления и сразу же вышла из гостиной, чтобы в одиночестве предаться тревоге и волнениям, вызванным этим неожиданным отъездом.

Элинор была встревожена не меньше матери. С недоумением и беспокойством она снова и снова вспоминала то, что только что произошло. Поведение Уиллоби, когда он прощался с ними, его смущение, притворная веселость и, главное, абсолютное нежелание принять приглашение ее матери, выслушанное с неохотой, неестественной для влюбленного, неестественной для него, – все это сильно беспокоило ее. Сначала она боялась, что у него никогда не было серьезных намерений; затем, что между ним и Марианной произошла серьезная ссора. Именно поэтому Марианна могла выбежать в таких расстроенных чувствах из комнаты. Но, с другой стороны, любовь Марианны была такова, что

ссора между ними казалась невероятной.

Но каковыми бы ни были причины их разлуки, горе ее сестры не вызывало ни малейших сомнений. Элинор сочувственно представляла себе глубокую печаль, которой вынуждена была предаваться Марианна, не ища в ней успокоения, а, наоборот, считая своим долгом усугублять ее.

Примерно через полчаса вернулась миссис Дэшвуд, ее глаза покраснели, но на лице не было печали.

– Наш дорогой Уиллоби сейчас в нескольких милях от Бартона, – сказала она Элинор, беря в руки рукоделие, – а с какой тяжестью на сердце он уехал.

– Так странно! Столь срочно уехать! Будто бы решил сделать это только сейчас. Ведь прошлым вечером он был так счастлив, весел и мил со всеми. А сегодня после десятиминутной беседы уехал без намерения вернуться. Произошло что-то, о чем он умолчал. Он был не похож сам на себя: говорил и вел себя как-то не так. Вы тоже должны были это заметить. Что могло произойти? Может быть, они поссорились? Почему же еще он так уклонялся от вашего приглашения?

– Уж точно не из-за отсутствия желания приехать, Элинор! Это было видно. Просто это было не в его силах. Я все обдумала и, поверь мне, теперь могу объяснить все, что вначале мне, как и тебе, показалось странным.

– Неужели?

– Да. Я нашла вполне убедительные объяснения всему. Но ты, Элинор, любишь сомневаться всегда и во всем, поэтому тебя они не убедят, я уверена. Но меня тебе не переубедить. Я убеждена, что миссис Смит знает о его чувствах к Марианне, не одобряет их (возможно, у нее на его счет были другие планы) и поэтому отсылает его прочь. Дело было придумано как оправдание его отъезда. Именно так, я пред полагаю, все и произошло. Она не одобряет его привязанности, а он не решается признаться, что помолвлен с Марианной, и вынужден из-за своего зависимого положения уехать из Девоншира на некоторое время. Ты, конечно, скажешь, что, может быть, все и так, а может быть, и нет. Но я не буду тебя слушать, если ты не найдешь другого столь же убедительного объяснения. И что же ты теперь скажешь, Элинор?

– Ничего. Ведь вы предвосхитили мой ответ.

– Значит, по-твоему, все могло быть и так и не так. О, Элинор, твои чувства непостижимы. Ты скорее веришь в плохое, чем в хорошее. Ты скорее сделаешь Марианну несчастной, а Уиллоби виноватым, чем найдешь для него оправдание. А думаешь ты о нем так, потому что он вел себя с нами не столь сердечно, как обычно. И не испытываешь к нему никакого сочувствия после такого удара. Попробуй представить его чувства и сразу поймешь, почему он был невнимателен. Неужели все правдоподобные объяснения следует отвергать заранее только потому, что их можно опровергнуть? И разве человек, которого у нас есть множество оснований любить и никаких – думать о нем плохо, не должен в наших глазах стоять выше обидных сомнений? Почему-то сразу забывается, что могут существовать серьезные причины для подобного поведения, которые, вероятно, некоторое время должны оставаться в тайне. И в чем, в конце концов, ты его обвиняешь?

– На этот вопрос трудно ответить. Однако столь поспешная перемена в человеке наводит на серьезные размышления. Но совершенная правда и то, что для него, по вашему настоянию, можно сделать исключение, а я стараюсь судить обо всех справедливо. У Уиллоби, бесспорно, могут быть вполне веские причины вести себя так, но было бы гораздо естественнее для него сразу рассказать о них. Секретность может быть необходима, но в нем такая сдержанность меня удивляет.

– Но все-таки не вини его за столь чуждое ему поведение, если того требовала необходимость. Но ты правда признала справедливость того, что я говорила в его защиту? Я счастлива, а он оправдан.

– Не совсем. Возможно, их помолвку (если они помолвлены) следует скрывать от миссис Смит, а в таком случае Уиллоби действительно благоразумнее всего некоторое время не возвращаться в Девоншир, но зачем это скрывать от нас?

– Скрывать это от нас? Милая моя, ты обвиняешь Уиллоби и Марианну в скрытности? Странно! Ведь практически каждый день твои глаза явно говорили, что ты укоряешь их за неосторожность.

– Мне нужны доказательства не их чувств, – сказала Элинор, – но того, что они помолвлены.

– Я абсолютно уверена и в том и в другом.

– Но ведь ни она, ни он и словом с вами об этом не обмолвились.

– Мне не требуются слова, когда поступки говорят гораздо яснее их. Разве его поведение с Марианной и со всеми нами, во всяком случае последние полмесяца, не доказывало, что он любит ее и видит в ней свою будущую жену, а к нам питает чувства близкого родственника? Разве мы не вполне понимали друг друга? Разве его взоры, его манеры, его внимание и уважение не спрашивали моего согласия ежедневно? Элинор, милая, разве можно сомневаться в том, что они помолвлены? Как могло подобное прийти тебе в голову? Разве можно предположить, что Уиллоби, зная о любви твоей сестры к нему, оставил бы ее на долгие месяцы, не признавшись во взаимной привязанности? Что они расстались, не обменявшись клятвами?

– Признаю, – ответила Элинор, – что все обстоятельства, кроме одного, свидетельствуют об их помолвке. Но это единственное обстоятельство – молчание обоих – перевешивает для меня все остальные.

– Странно! Должно быть, ты очень низкого мнения об Уиллоби, если после того, как они постоянно и, что самое главное, открыто искали способ побыть вместе, ты все еще сомневаешься в их искренности. Или с его стороны, по-твоему, не было ничего, кроме притворства? Ты думаешь, он к ней равнодушен?

– Нет, так я не думаю. Он должен ее любить, я уверена, что он ее любит.

– Но больно странная любовь, если, как ты предполагаешь, он, когда покинул ее, вел себя бесчувственно и абсолютно безразлично к их будущему.

– Не забывайте, милая мама, что я никогда не считала, что все решено. Признаю, сомнения у меня были, но они постепенно исчезают и скоро могут совсем рассеяться. Если же мы узнаем, что они переписываются, то все мои опасения исчезнут навсегда.

– О, какая уступка! Если ты увидишь их в церкви перед священником, то, возможно, согласишься, что они собираются пожениться. Вот упрямая! Но мне такие доказательства не нужны. По-моему, не произошло ничего, что могло бы оправдать подобные сомнения. Ни тени скрытности, наоборот, все было открыто

и на виду. Сомневаться в чувствах своей сестры ты не можешь, следовательно, подозреваешь Уиллоби. Но почему? Разве он не благородный человек с чувствительной душой? Разве он совершил что-то такое, что могло вызвать у тебя тревогу? Разве может он быть обманщиком?

– Надеюсь, нет! Думаю, что нет! – воскликнула Элинор. – Мне нравится Уиллоби, искренне нравится, а подозрение в его нечестности причиняет мне не меньше боли, чем вам. Оно появилось спонтанно, и я не буду поощрять его. Признаюсь, мне не понравилось, что утром он столь мало походил на себя. Он говорил не так, как раньше, а ваша доброта не вызвала в нем благодарности. Но все это можно объяснить его незавидным положением, как вы и сказали. Он только что простился с Марианной, видел, в каком состоянии она ушла, но, опасаясь недовольства миссис Смит, быстро поборол в себе желание вернуться сюда как можно скорее. Он прекрасно понимал, в каком неблаговидном свете представят его в наших глазах отказ от вашего приглашения и ссылка на столь неопределенные дальнейшие планы, поэтому он вполне мог быть смущен и растерян. Но в этом случае откровенное признание в трудностях сделало бы ему больше чести и более походило бы на его обычное поведение. Впрочем, я не могу осуждать чужое поведение только потому, что оно не соответствует моим собственным понятиям и тому, что я считаю правильным.

– Верно. Уиллоби не заслужил нашего недоверия. Пусть мы с ним знакомы недавно, он хорошо известен в этих местах, и разве кто-нибудь хоть раз осуждал его? Будь у него возможность действовать по своему усмотрению и немедленно жениться, действительно было бы странно, если бы он уехал, ничего не объяснив нам. Но ведь дело обстоит иначе. Обстоятельства не способствуют их помолвке, так что неизвестно, когда могла бы состояться свадьба. Поэтому пока, возможно, необходимо держать их помолвку в тайне.

Их разговор прервало появление Маргарет, и Элинор могла на досуге обдумать все доводы матери, признать правдоподобность многих из них и от души пожелать, чтобы они все оказались верны.

Марианну они увидели за обедом, когда она молча вошла в столовую и заняла свое место. Глаза покраснели и опухли, и казалось, что она с трудом сдерживает слезы. Она избегала их взглядов, не могла ни есть, ни говорить, а когда ее мать спустя несколько минут с безмолвным сочувствием погладила ее по руке, не смогла больше сдерживаться и, рыдая, выбежала из комнаты.

Это бурное отчаяние продолжалось весь вечер. Она была совсем без сил, просто потому что даже не пыталась взять себя в руки. Малейшее упоминание Уиллоби и всего, что его касалось, приводило ее в отчаяние, и как мать и сестры ни пытались отвлечь Марианну, это было невозможно, ведь, о чем бы они ни начинали разговаривать, избежать предметов, которые напоминали ей о нем, не удавалось.

Глава 16

Марианна не простила бы себе, если бы смогла уснуть в первую ночь после разлуки с Уиллоби. Ей было бы стыдно смотреть в глаза сестрам и матери, если бы на следующее утро она не поднялась с постели еще более нуждающейся в отдыхе, чем легла накануне. Но такой позор ей, пожалуй, не грозил. Она провела бессонную ночь и почти до утра рыдала. Она встала с отчаянной головной болью, была не в силах даже говорить и отказалась от еды, причиняя боль матери и сестрам, но упрямо отвергая их настойчивые попытки утешить ее. Чувствительная натура, что ж тут поделаешь?

После завтрака она отправилась гулять в одиночестве и долго бродила по деревне Алленхейм и ее окрестностям, предаваясь воспоминаниям о прошлых радостях и проливая слезы о том, что все они остались позади.

Весь вечер ее терзала та же тоска. Она играла песни, которые так любил слушать Уиллоби, дуэты, в которых часто сплетались их голоса. Временами она неподвижно сидела за инструментом, всматриваясь в строчки нот, которые он для нее переписал, и в конце концов ее сердце исполнилось такой тяжестью, что больше не могло впитать ни капли грусти. Ее горе каждый день получало обильную пищу и потому не уменьшалось. Она проводила долгие часы за фортепьяно, при этом то пела, то рыдала, часто вообще лишаясь голоса от слез. В книгах, как и в музыке, она выискивала только страдание, которое дает сравнение прошлого счастья и горечи настоящего. Она читала только то, что им так нравилось читать вместе.

Такая неистовая скорбь, конечно, не могла продолжаться вечно. Через несколько дней она перешла в спокойную, тихую меланхолию. Но она не оставила ни свои ежедневные занятия, ни одинокие прогулки, ни тягостные

размышления и поэтому временами все же была подвержена бурным припадкам отчаяния.

Писем от Уиллоби не было, да Марианна, казалось, их и не ждала. Ее мать была очень удивлена, а Элинор чувствовала нешуточную тревогу. Но миссис Дэшвуд, когда было необходимо, всегда умела находить объяснения, во всяком случае такие, какие ей самой казались вполне удовлетворительными.

– Вспомни, Элинор, – говорила она, – как часто сэр Джон сам привозит наши письма с почты и отвозит их туда. Мы ведь понимаем, что необходимо сохранять некоторую секретность, и надо признать, что о ней не могло быть и речи, если бы их переписка проходила через руки сэра Джона.

Элинор не могла отрицать справедливость этого соображения и честно попыталась уверовать, что таких опасений достаточно для их молчания. Но был один простой, бесхитростный и очень эффективный способ узнать правду, и, по мнению Элинор, им было просто грех не воспользоваться.

– А почему бы вам прямо не спросить Марианну, – сказала она, – помолвлена она с Уиллоби или нет? Такой вопрос в устах матери, да еще такой доброй и снисходительной, как вы, не может обидеть. Он будет естественным следствием вашей искренней любви к ней. Ведь с вами Марианна никогда не была скрытна.

– Такой вопрос я не задам ни за что на свете, если они все-таки не помолвлены, я даже боюсь подумать, какие муки он ей причинил. И в любом случае это бездушно. Заставив ее признаться в том, о чем ей не хотелось бы говорить, я больше никогда не буду пользоваться ее доверием. Я знаю сердце Марианны, знаю, как нежно она меня любит, и уверена, что буду не последней, кто узнает о помолвке, когда обстоятельства позволят объявить о ней. Я не стану добиваться откровенности ни от кого, а уж тем более от собственной дочери, потому что чувство долга не позволит ей уклониться от ответа, как бы ей этого ни хотелось.

Элинор, здраво поразмыслив, сочла подобную деликатность излишней, тем более учитывая молодость Марианны. Она попробовала было настаивать, но напрасно. Здравый смысл, осторожность и материнская тревога оказались бессильными перед романтической деликатностью миссис Дэшвуд.

Прошло несколько дней, прежде чем близкие Марианны рискнули упомянуть имя Уиллоби в ее присутствии. Сэр Джон и миссис Дженнингс вовсе не отличались тактичностью, и их шуточки зачастую добавляли изрядную порцию горечи в ее и так безрадостные часы. Но как-то вечером получилось так, что миссис Дэшвуд взяла в руки томик Шекспира и воскликнула:

– Мы так и не закончили «Гамлета», Марианна! Наш дорогой Уиллоби уехал раньше, чем мы успели дойти до последней страницы. Нам, наверное, стоит отложить книгу до его возвращения… Но, быть может, пройдут многие месяцы, прежде чем это произойдет.

– Месяцы! – изумленно воскликнула Марианна. – Нет, несколько недель.

Миссис Дэшвуд очень огорчилась из-за своей несдержанности, но Элинор обрадовалась и немного успокоилась. Слова Марианны свидетельствовали о том, что она уверена в Уиллоби и осведомлена о его намерениях.

Однажды утром, примерно через неделю после его отъезда, сестры уговорили Марианну отправиться на прогулку вместе с ними, вместо того чтобы блуждать в одиночестве. До этого она решительно отвергала любые попытки составить ей компанию. Если сестры собирались отправиться гулять по холмам, то она выбирала для прогулки укромные уголки в долине. Если же они начинали обсуждать возможность прогулки по долине, то она убегала в холмы раньше, чем они успевали выбрать маршрут. Но в конце концов Элинор, которая очень не одобряла это стремление к одиночеству, настояла на своем. По дороге они шли молча. Элинор, которая не знала, что делается в голове у Марианны, была вполне удовлетворена одной победой и остерегалась предпринимать что-либо еще. Все так же молча они подошли к узкому входу в долину, откуда холмы уступали место более открытой местности. Перед ними расстилалась дорога, по которой они когда-то впервые приехали в Бартон. Прежде девушки еще ни разу не уходили так далеко, поэтому они остановились, чтобы оглядеться. Открывшийся перед ними вид был совсем иной, чем тот, который они имели возможность ежедневно созерцать из окон коттеджа.

Вскоре на дороге показалась движущаяся фигура. Через несколько минут стало ясно, что к ним приближается человек на лошади. Еще спустя некоторое время они смогли различить, что это не фермер, а благородный джентльмен. Через мгновение Марианна с восторгом воскликнула:

– Это он! Я уверена! Я знаю, это он! – и пошла навстречу.

Элинор попыталась ее остановить:

– Марианна, ты ошибаешься, это не Уиллоби. Этот человек не так высок, и у него совсем другая фигура.

– Нет, нет! – возразила Марианна. – Я уверена, что это он. Его фигура, его плащ, его лошадь. И я знала, что он вернется очень скоро.

Она пошла быстрее, а Элинор, которая не сомневалась, что перед ними не Уиллоби, поспешила догнать сестру, чтобы по возможности уберечь ее от неизбежной неловкости. Когда их от всадника отделяло всего лишь тридцать ярдов, Марианна еще раз взглянула на него, и ее сердце сжалось от отчаяния. Она резко повернулась и поспешила назад, но ее остановили голоса обеих сестер, к которым присоединился третий, почти столь же знакомый, как голос Уиллоби. Она с удивлением обернулась и увидела перед собой Эдварда Феррарса. Это был единственный человек на свете, которому она могла простить, что он не Уиллоби, только ему она могла подарить улыбку, правда, для этого ей пришлось смахнуть слезы, но все же при виде счастья сестры она на минуту забыла о собственном разочаровании. Он спрыгнул на дорогу, отдал поводья слуге и пошел вместе с девушками в Бартон, куда он и направлялся, чтобы навестить их. Его приветствовали очень сердечно, но особенно эмоционально выразила свои чувства Марианна, которой его появление, казалось, было приятнее, чем самой Элинор. При встрече Эдварда с ее сестрой Марианна вновь почувствовала ту странную холодность, которую так часто замечала в поведении их обоих в Норленде. Что касается Эдварда, то он и выглядел, и выражался совсем не так, как положено влюбленному в подобных случаях. Он был смущенным, и его, казалось, вовсе не переполнял восторг и прочие сильные чувства от встречи с ними. Он не выглядел ни особенно довольным, ни даже просто веселым, мало говорил, лишь отвечал на вопросы и не одарил Элинор ни единым знаком особенного внимания. Марианна смотрела, слушала и не переставала удивляться. Она даже начала испытывать нечто вроде неприязни к Эдварду. В конце концов, впрочем это было неизбежно, ее мысли вновь обратились к Уиллоби, чьи манеры являли разительный контраст с манерами их гостя.

После короткого молчания, последовавшего за первыми изъявлениями удивления и восторга, Марианна поинтересовалась у Эдварда, приехал ли он

прямо из Лондона. Он ответил, что две недели провел в Девоншире.

– Целых две недели, – повторила она, потрясенная тем, что он так долго находился поблизости от Элинор и не нашел времени повидаться с ней раньше.

Он добавил немного рассеянно, что гостил у друзей в окрестностях Плимута.

– А давно ли вы были в Суссексе? – спросила Элинор.

– Я был в Норленде около месяца назад.

– И как же он выглядит, наш милый, милый Норленд?! – воскликнула Марианна.

– Милый, милый Норленд, – спокойно добавила Элинор, – скорее всего, выглядит именно так, как и должен в это время года: все вокруг усыпано опавшими листьями.

– Ох, – вскричала Марианна, – с какими непередаваемыми чувствами я, бывало, наблюдала, как они падают! Как я восторгалась, когда во время прогулок ветер кружил вокруг меня вихрь желтых листьев! Какие волшебные чувства вызывали и они, и осень, и сам воздух Норленда! А теперь там некому любоваться роскошным ковром из опавших листьев. В них видят только ненужный мусор, их торопятся вымести, убрать с глаз долой.

– Но ведь не все, – заметила Элинор, – разделяют твою страсть к мертвым листьям.

– А мои чувства, – вздохнула Марианна, – вообще редко кто разделяет, их и понимают нечасто. Но иногда… – Тут она на несколько минут погрузилась в задумчивость, но вскоре очнулась и продолжила: – Вы только посмотрите, Эдвард, – начала она, призывая его взглянуть на открывшийся перед ними вид, – перед вами Бартонская долина. Взгляните на нее и останьтесь невозмутимы, если, конечно, сумеете. Посмотрите на эти холмы! Вы когда-нибудь видели что-нибудь подобное! А вот там, слева, среди этих изумительных рощ и аккуратных полей находится Бартон-Парк. Отсюда виден только уголок дома, а там внизу, у подножия самого дальнего и самого величественного холма, находится наш коттедж.

– Красивые места, – ответил он, – но зимой дороги, должно быть, утопают в грязи.

– Как вы можете думать о грязи, когда перед вами такой великолепный пейзаж.

– Потому что, – ответил он улыбаясь, – вижу перед собой весьма грязный проход.

– Как странно! – сказала Марианна самой себе.

– А как вам нравятся ваши новые соседи? Мидлтоны – приятные люди?

– Нет! – ответила Марианна. – В худшей ситуации мы вряд ли могли оказаться.

– Марианна, – воскликнула ее сестра, – как ты можешь так говорить? Как ты можешь быть такой несправедливой? Это очень достойное семейство, мистер Феррарс, которое окружает нас самым дружеским вниманием. Ты не забыла, Марианна, сколькими приятными днями здесь мы обязаны им?

– Не забыла, – негромко сказала Марианна, – как и все мучительные минуты.

Элинор не обратила на ее слова ни малейшего внимания и попыталась занять гостя разговором об их новом доме и его расположении, изредка добиваясь от него вежливых вопросов и замечаний. Его холодность и сдержанность задевали ее, пробуждая в ней досаду и даже раздражение. Но, решив в своем поведении исходить из прошлого, а не из настоящего, она не показывала своих истинных чувств и вела себя с ним так, как, по ее мнению, требовало родство между ними.

Глава 17

Миссис Дэшвуд удивилась лишь на одно мгновение: по ее мнению, приезд Эдварда в Бартон был естественен и вполне ожидаем, а потому ее радость длилась гораздо дольше удивления. Против такого приема не могли устоять ни застенчивость, ни холодность, ни сдержанность, которые начали покидать его еще до входа в коттедж и которые совсем исчезли благодаря радушному приему миссис Дэшвуд. Да и не мог человек, влюбленный в одну из ее дочерей, не

перенести часть своего чувства на нее саму, и Элинор с радостью заметила, что он снова становится похожим сам на себя. Казалось, что его привязанность к ним воскресла в его сердце, а его заботы об их благополучии были явно неподдельными. Но все-таки его что-то беспокоило: он восхвалял их дом, восхищался видом вокруг, был внимателен и любезен, но все-таки его что-то беспокоило. Вся семья это заметила, и миссис Дэшвуд, приписав это каким-то новым требованиям его матери, села за стол в негодовании против всех себялюбивых родителей.

– Каковы планы миссис Феррарс на ваш счет в ближайшем будущем, Эдвард? – поинтересовалась она после ужина, когда все расположились у огня. – Вы по-прежнему должны стать великим оратором, по ее мнению?

– Нет. Надеюсь, матушка убедилась в том, что таланта к подобной деятельности у меня нет, как и склонности к ней.

– Но как вы добьетесь тогда славы? Ведь на меньшее ваши близкие не согласны? А без трудолюбия, без очарования, которое позволит вам общаться с незнакомцами, без уверенности в себе, без квалификации вам будет довольно сложно добиться ее.

– А я и пытаться не стану. У меня нет ни малейшего желания становиться известным, и есть все основания надеяться, что такая участь мне не грозит. Слава богу, меня никто не может насильственно одарить талантами и красноречием.

– Да, я знаю, что вы лишены честолюбия и все ваши желания и помыслы очень умеренны.

– Полагаю, что не более, не менее, чем любой другой человек. Так же как и все люди, я хочу быть счастливым, но, как и любой человек, я могу стать им только на свой собственный лад. Величие не сделает меня счастливым.

– О, конечно, – воскликнула Марианна, – богатство и величие не имеют ничего общего со счастьем!

– С величием, может быть, и нет, – заметила Элинор, – но богатство очень даже может ему содействовать.

– Постыдись, Элинор, – вздохнула Марианна. – Деньги могут дать счастье, только если человек ни о чем другом не думает. А тем, кто располагает скромным достатком, они не могут принести истинной радости.

– Пожалуй, – улыбнулась Элинор, – мы с тобой говорим об одном и том же. Твой «скромный достаток» и мое «богатство», в сущности, очень похожи. А без них, думаю, мы обе отрицать не станем, постоянная нужда в том или ином будет неизбежно омрачать жизнь. Просто твои представления слегка отличаются от моих. Скажи, что, по-твоему, составляет скромный достаток?

– Тысяча восемьсот… ну, или две тысячи фунтов в год, не более того.

– Две тысячи фунтов в год! – засмеялась Элинор. – А я уже одну тысячу называю богатством! Так я и думала!

– И все же две тысячи в год – очень скромный доход, – сказала Марианна. – На меньшую сумму ни одна семья прожить не сможет. Причем я совершенно уверена, что мои потребности не чрезмерны. Содержать прислугу, экипаж или два и охоту на меньшую сумму невозможно.

Элинор улыбнулась тому, как точно ее сестра перечислила будущие расходы по содержанию Комбе-Магна.

– Охота? – удивленно повторил Эдвард. – Охотничьи лошади? Но зачем они? Ведь далеко не все охотятся.

Покраснев, Марианна ответила:

– Не все, но очень многие.

– Ах, как было бы хорошо, – воскликнула Маргарет, пораженная новой мыслью, – если бы кто-нибудь подарил каждой из нас по большому состоянию!

– Ты права, – согласилась Марианна, и ее глаза радостно заблестели, а щеки покрылись густым румянцем в предвкушении воображаемого счастья.

– В этом желании мы все, разумеется, единодушны, – заметила Элинор. – Несмотря на то что богатство – это далеко не все, что нам необходимо.

– Ах, боже мой! – закричала Маргарет. – Как я была бы счастлива, если бы у меня появилось богатство! Хотя я пока не знаю, что бы я с ним делала.

Судя по выражению лица Марианны, она таких затруднений не испытывала.

– А я бы тоже не знала, как распорядиться большим состоянием, – сказала миссис Дэшвуд. – Конечно, если бы все мои дети были тоже богаты и не нуждались в моей помощи.

– Вы бы занялись перестройкой дома, – заметила Элинор, – и вопрос, что делать с деньгами, решился бы сам собой.

– Представляю, какие великолепные заказы посылались бы отсюда в Лондон, – сказал Эдвард, – если бы ваши мечты стали реальностью. Для продавцов книг, нот и картин настали бы воистину счастливые дни. Вы, мисс Дэшвуд, получали бы все новые гравюры. Что же касается Марианны, а я знаю потребности ее души, во всем Лондоне не хватит нот, чтобы она пресытилась. А книги! Томсон, Купер, Скотт – она бы покупала их снова и снова. Думаю, она скупила бы все экземпляры, лишь бы они не попали в недостойные руки. Она не пропустила бы ни одного произведения, которое на учило бы ее восхищаться старым корявым деревом. Разве не так, Марианна? Простите великодушно, что я позволил себе слегка вас подразнить, но я только хотел показать вам, что не забыл наши былые споры.

– Я люблю, когда мне напоминают о прошлом, Эдвард. Причем независимо от того, воспоминания эти грустные или веселые. Поэтому тут вы можете не опасаться меня обидеть. И вы совершенно правильно предположили, на что расходовались бы мои деньги. Во всяком случае, некоторые их части. Без всякого сомнения, все свои свободные деньги я бы тратила только на ноты и книги.

– А основной капитал вы бы употребили на пожизненные ренты для авторов и их наследников.

– Нет, Эдвард, я бы нашла ему другое применение.

– Возможно, вы бы учредили награду тому, кто сумел бы блистательно воспеть ваше излюбленное утверждение о том, что любить можно только один раз в жизни. Полагаю, что вы не переменили свое мнение на этот счет?

– Разумеется. В моем возрасте убеждения так легко не меняются. И не думаю, что мне доведется когда-либо поверить в обратное.

– Как видите, – отметила Элинор, – Марианна тверда, как прежде. В этом она не изменилась.

– Только стала немного более серьезной.

– Ну, Эдвард, – сказала Марианна, – не вам это говорить. Вы сами-то не слишком веселы.

– Почему вы так думаете? – вздохнул он. – Веселость никогда не была неотъемлемой частью моего характера.

– То же самое можно сказать и о Марианне, – заметила Элинор. – Я бы никак не назвала ее оживленной и смешливой. Что бы она ни делала, она всегда очень серьезна и чрезвычайно сосредоточенна. Правда, иногда она слишком много и увлеченно говорит. Но, пожалуй, никогда не бывает по-настоящему веселой.

– Пожалуй, вы правы. Хотя раньше я придерживался другого мнения и всегда считал ее живой и веселой девушкой.

– Я частенько ловила себя на таких же ошибках, – проговорила Элинор, – я имею в виду совершенно неверное понимание той или иной черты человеческого характера. Я нередко воображала, что люди значительно более веселы или серьезны, умны или глупы, чем они оказывались на самом деле. Я даже не могу объяснить, откуда возникало подобное заблуждение. Иногда мы полагаемся на то, что люди говорят о себе сами, еще чаще – на то, что говорят о них другие люди, и не даем себе времени подумать.

– Но я считала правильным, Элинор, – сказала Марианна, – руководствоваться мнением других людей. Я думала, что наши суждения существуют лишь для того, чтобы угодить соседям. Разве не этому ты меня всегда учила?

– Нет, Марианна, никогда. У меня и в мыслях не было руководствоваться чужим мнением. Я всегда пыталась влиять только на поведение. И пожалуйста, не приписывай мне чужих грехов. Признаюсь, я виновата в том, что часто желала, чтобы ты оказывала больше внимания нашим знакомым. Но когда же советовала тебе разделять их чувства или руководствоваться их суждениями в серьезных делах?

– Насколько я понимаю, вам так и не удалось убедить сестру в необходимости вежливого обращения со всеми окружающими? – спросил Эдвард у Элинор. – Неужели вы в этом нисколько не продвинулись?

– Напротив, – ответила Элинор, бросив на сестру весьма выразительный взгляд.

– Я полностью на вашей стороне, – сказал он, – но, боюсь, мое поведение все же ближе к вашей сестре. Я очень хочу быть со всеми любезным. Но моя глупая застенчивость настолько велика, что я часто кажусь высокомерным невеждой, хотя всему виной моя природная робость. Мне нередко приходит в голову, что я от природы предназначен для низкого общества, поскольку со светскими знакомыми я всегда чувствую себя несвободным.

– Марианне застенчивость несвойственна, – возразила Элинор, – поэтому никак не может извинить ее невежливость.

– Она слишком хорошо знает себе цену, чтобы испытывать смущение, – ответил Эдвард, – а застенчивость всегда является следствием чувства собственной неполноценности. Если бы я сумел убедить себя, что мои манеры приятны и непринужденны, то наверняка перестал бы смущаться.

– Но вы все равно остались бы замкнутым, – заявила Марианна, – а это даже хуже.

– Замкнутым? – искренне удивился Эдвард. – Разве я замкнутый человек, Марианна?

– И даже очень.

– Не понимаю, – ответил он, краснея. – Замкнутый! Как? В чем? Что я от вас скрываю? Что вы имеете в виду?

Элинор несколько удивилась его необычной горячности, но попыталась свести все к шутке и сказала:

– Неужели вы так мало знаете мою сестру, что не понимаете ее намеков? Разве вам неизвестно, что она называет замкнутым каждого, кто не говорит так же быстро, как она, и не восхищается тем, что восхищает ее столь же пылко.

Эдвард не ответил. К нему снова вернулась невеселая задумчивость, и некоторое время он хранил угрюмое молчание.

Глава 18

Элинор с тревогой наблюдала за своим другом, пребывающим в тоске и унынии. Радость от его приезда для нее омрачалась тем, что он сам, казалось, был не слишком рад своему пребыванию здесь. Было ясно, что он несчастен. Ей же хотелось, чтобы столь же явным было чувство, которое он раньше, казалось, к ней испытывал. Теперь же она утратила былую уверенность в его привязанности. В его взоре временами все-таки появлялась нежность, но быстро исчезала из-за его сдержанности.

Эдвард присоединился к Элинор и Марианне в столовой на следующее утро до того, как остальные спустились вниз, и Марианна, которая всегда была готова помочь им обрести счастье, вскоре оставила их одних. Но не успела она подняться на пару ступенек, как услышала скрип открывающейся двери и, обернувшись, к своему великому удивлению, увидела, что Эдвард покинул комнату следом за ней.

– Схожу в деревню. Хочу взглянуть на своих лошадей, – сказал он. – Завтракать вы еще не сели, а я скоро вернусь.

Эдвард вернулся полный восхищения окружающим пейзажем. По дороге в деревню он видел много чудесных уголков природы, а из самой деревни, которая находилась выше коттеджа, ему открылся вид на особенно понравившуюся ему местность. Это была любимая тема для разговора у Марианны, поэтому она была само внимание, а затем она начала описывать свое собственное восхищение этими видами и расспрашивать Эдварда в подробностях о том, что особенно его поразило, но он перебил ее:

– Марианна, вам не стоит расспрашивать меня с таким пристрастием. Помните, я плохо разбираюсь в красотах природы и могу обидеть вас своим невежеством и дурным вкусом, если мы перейдем к чему-то определенному. Я назову холм крутым, а не гордо вздымающимся над равнинами; поверхность склона – неровной и бугристой, а не причудливой и загадочной. Я скажу, что удаленные предметы теряются из вида, в то время как, по-вашему, им надлежит тонуть в неясной сероватой дымке. Вам придется удовлетвориться тем выражением восхищения, на которые я способен. Здесь отличные места: крутые холмы, отличные леса, да и долина выглядит очень приятно – сочные луга, добротные фермерские постройки. Именно такой пейзаж я называю отличным, поскольку в нем сливаются воедино красота и полезность. Полагаю, что он помимо этого и удивительно живописен, поскольку вы им искренне восхищаетесь. Охотно верю, что здесь полно скал и утесов, седого мха и мрачных чащоб, но это все не для меня. Я ничего не понимаю в красоте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzheyn-osten/razum-i-chuvstvo-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить